
18+
Нина Воронгор
Тени скрытого города
книга первая
Шаг в реальность

Нина Воронгор

Тени скрытого города. Книга первая. Шаг в реальность

«Издательские решения»

Воронгор Н.

Тени скрытого города. Книга первая. Шаг в реальность /
Н. Воронгор — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590972-5

Первая часть романа — «Шаг в реальность».24-летняя библиотекарша Таня получает загадочную эсэмэску, которая подталкивает её к решению начать самостоятельную жизнь в незнакомом городке Отоке. Оток с виду обычный. Но почему о нём прежде никто не слышал? И почему Тане угрожает опасность?Таня так хотела, чтобы её жизнь заиграла яркими красками! Но почувствует ли она радость, даже если что-то начнёт происходить? Или реальные перемены начинаются не с чудес, а с поступков, на которые Таня осмелится?

ISBN 978-5-00-590972-5

© Воронгор Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Перемены в жизни обычной библиотекарши 6
Глава 2 18
Предупреждение 18
Глава 3 32
Главный советчик – гадалка 32
Глава 4 45
Приезд в Оток 45
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Тени скрытого города
Книга первая. Шаг в реальность

Нина Воронгор

Иллюстратор Вера Александровна Шашерина

© Нина Воронгор, 2025
© Вера Александровна Шашерина, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0059-0972-5 (т. 1)
ISBN 978-5-0059-0973-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Перемены в жизни обычной библиотекарши

Когда дни пусты и похожи один на другой из месяца в месяц, из года в год, то вряд ли что-то изменится и в будущем. Трудно поверить. Чудеса случаются, конечно, но не с тобой, а с другими – с теми, кто этого более достоин.

Тане Гутовой 24 года. Она работает в библиотеке, но мечтает быть художником. В библиотеку устроилась осенью, а перед тем год после окончания университета сидела дома и трудилась над иллюстрациями к сказочной повести «Гарри Поттер и философский камень». Недавно, набравшись храбрости, отдала свои творения на оценку местному художнику, потом другому. Оба в один голос заявляли, что Тане не хватает мастерства, образы неживые, «вымученные». Оба спрашивали:

– Училась ли ты в художественной школе?

И, получив отрицательный ответ, настоятельно рекомендовали учиться.

– Мне кажется, ничего полезного я в школе не получу! – морщилась Таня. – Будут заставлять рисовать одно и то же: яблоки да кувшины. И ещё будут диктовать всякие правила, как будто в творчестве надо полагаться на них, а не на внутреннее чувство! Если бы творчество укладывалось в схему, любой мог бы стать художником: достаточно выучить приёмы! Но я считаю, у настоящего художника изначально есть знание, как рисовать, он чувствует. Неужели, например, Рафаэль, рисуя «Сикстинскую мадонну», заглядывал в учебник с правилами?

– Но Рафаэль учился, – возражали Тане.

Таня молчала, а потом приводила новый аргумент:

– Я слышала, в художественных школах учитель диктует свою волю. А я хочу рисовать в своём собственном стиле!

После встречи со вторым критиком, бредя по улице и ничего вокруг не замечая, Таня представила, как положит папку с рисунками в стол и никому больше их не покажет. Будет ходить на работу, выдавать читателям книжки, а про художество навсегда забудет. Не её это путь! Был бы её, он легко бы ей давался и не было бы столько препятствий. Никому не нужны Танины рисунки!

Впрочем, уже на другой день ход Таниных мыслей изменился. Девушка сердито встряхивала головой и бормотала: «Всё равно когда-нибудь стану известным художником!» Надо только учесть замечания… Сделать образы более живыми. Например, не использовать обводку. Не бояться небрежности. Научиться смешивать цвета.

И всё же Таня надолго забросила рисование, решив заняться его совершенствованием позже. А пока нет ни вдохновения, ни времени: с утра до вечера на работе, а после работы остаётся только поужинать и спать. Всегда по вечерам сонное состояние.

А может, дело вовсе не во времени и не в работе. Просто желание быть художником сейчас не самое актуальное. Сердце тоскует о любви! Ах, как же не хватает нежности к себе и своему телу! Без нежности жизнь подобна песку в пустыне и трудно по-настоящему радоваться чему-либо. Только напрасны все мольбы и молитвы! Хоть на кусочки разорвись, пытаясь преодолеть пустоту, она тебя всё равно не услышит. А Тане хочется трепетать и таять! Но никто не обнимет, не поцелует, не погладит по волосам, не возьмёт за руки и не согреет Танины пальцы в своих ладонях…

Она открыла маленький блокнот для зарисовок и тайных записей, задумчиво перелистала изображения грустных большеглазых девочек, сделанных синей ручкой. Остановилась на одном: фантазия в виде девушки с полузакрытыми глазами и откинутой головой; не её лбу

маленькие цветочки, а груди касается острый нож. Услышав шаги из коридора, Таня спрятала блокнот в сумку.

Сквозь распахнутые окна читального зала проникал лёгкий июльский ветерок и шум машин с проспекта. Пыльный солнечный свет равномерно покрывал улицу. Может, пока никого нет, заглянуть в отдел книгохранения и поискать книжку с картинками?

Таня вышла в коридор между читальным залом и фойе и шагнула в тесную слабо освещённую комнату. На самом деле, комната очень большая, но её размеров не разглядеть из-за высоких стеллажей, набитых старыми книгами. Нина Степановна сидела боком за столом и разговаривала с Зоей Артёмовной. Обсуждали замдиректора, её пренебрежительное отношение к сотрудникам библиотеки. Увидев Таню, Зоя Артёмовна попрощалась и отправилась на своё рабочее место, в отдел комплектования.

– Нина Степановна! – обратилась Таня, чувствуя болезненно-сладкое замирание сердца, что случалось всякий раз при встрече с этой женщиной. – Можно я поищу у вас одну книжку? Быстро!

– Да ты не торопись, я уж покараулю, если кто придёт, – Нина Степановна с трудом поднялась. – Ты ещё не обедала?

– Нет, я попозже!

– Смотри, Танюшка, тебе поправляться надо, а то совсем худая! – она мягко сжала руку девушки. – За яблоко спасибо! Захожу и не понимаю: откуда яблоко взялось? Ну, ты ищи, формуляр оставишь у меня на столе.

Медленно переступая на больных ногах, Нина Степановна направилась в читальный зал, а Таня двинулась по узкому проходу между стеллажами, туда, где книги на букву «П». Она хорошо помнила, что в детстве с упоением читала сказку Софьи Прокофьевой «Глазастик и ключ-невидимка» и что в книге были замечательные иллюстрации. Вот бы снова подержать её в руках! Среди новых и старых корешков темнел один невзрачный. Таня потянула за него и улыбнулась: та самая книжка, словно вернувшаяся из детства!

Пока Тани не было, Нина Степановна обслужила первого за сегодняшний день читателя и теперь рылась в стопке свежей прессы, видимо только что занесённой библиографом. Отобрала любимые газеты с разнообразными шокирующими историями, прихватила толстый красочный журнал и, устроившись под окном, погрузилась в чтение.

Таня заняла рабочее место и долго созерцала потрёпанную обложку, ощущая в ладонях тяжесть и прохладу книги из прошлого. На обложке в пятне света бредёт тощий конь, а на коне сидят две девочки: одна худенькая и грустная-грустная, с большими глазами, другая румяная, держит в руках кота, тоже грустного. Позади острые крыши домов. А наверху под заголовком летит юноша в развевающихся одеждах и играет на скрипке.

Таня бережно открыла книгу. Иллюстрации чёрно-белые, выполнены чернилами и акварелью и на первый взгляд кажутся простыми. Но какая глубина! Какая эмоциональная наполненность! Удивительно… Благодаря чему художник создаёт это? Линии рисунков лёгкие и уверенные. И вроде пропорции не соблюдены, и фон не дорисован, и нестёртые помарки, а как будто так и надо. Таня перевернула страницы в самое начало и прочитала имя художника: Калиновский.

Вздохнула: «А мои рисунки никому не нравятся!» Никому… Хотя кто их видел? Только мама да два критика. В любом случае их оценки субъективны! Вкусы у людей разные! Не все же любят Ван Гога; вот Таню его картины не привлекают, а ведь считается великим.

Таня взглянула на Нину Степановну, на её белые пухлые пальцы, увитые блестящими колечками, и круглое мягкое лицо с большими затемнёнными очками. Тане нравились её глаза, когда та снимала очки, – карие, выразительные, только немного беспомощные без спасительных стёкол. Запись в Танином блокноте начинается так: «Я люблю Нину Степановну…»

Вспомнился вечер, когда Таня откровенно выразила свои чувства этой женщине. Однажды во время своего отпуска Нина Степановна внезапно появилась в библиотеке. В этот момент Таня развлекала восьмилетнюю Нелю, которая часто приходила не столько за чтением, сколько за играми. Нина Степановна громко поздоровалась из-за перегородки. Таня сразу забыла о Неле, сделавшись чрезвычайно рассеянной и взбудораженной. Вошла в книгохранение. И даже не заботилась о том, чтобы скрывать эмоции! Ум отступил на задний план. «Нина Степановна пришла!» – радостно восклицала Таня, стоя близко от женщины. «Соскучилась», – произнесла другая сотрудница, находящаяся тут же. Разговаривали, а потом Таня не удержалась и обняла Нину Степановну. «Какая ты, оказывается, эмоциональная», – улыбнулась та.

Время спустя девушка стыдилась своего поведения. Оно странное и неприличное. И наверняка вызывает у Нины Степановны чувство неловкости и желание вернуть изначальную дистанцию. Зачем Таня навязывается со своей любовью? Хотя, может быть, Танины чувства взаимны? Иногда кажется, что когда Нина Степановна машет рукой на прощанье, то делает это с особым теплом.

Просто хочется нежности. Дни идут чередой, и вроде что-то происходит. Но, на самом деле, не происходит ничего, потому что Таня по-прежнему одна.

Девушка спрятала книгу Прокофьевой под столешницу и оглядела просторный зал: всего один читатель на краю длинного ряда пустых поблёскивающих столов. Летом читателей почти нет. Школьники и студенты на каникулах, а именно они составляют основную часть посетителей, ведь надо готовиться к урокам, писать рефераты. По собственному желанию сюда мало кто ходит. Таня и сама до устройства на работу была в читальном зале лишь раз (если не считать изнурительного просиживания в университетской библиотеке): искала в журналах информацию о любимой рок-группе.

Бывает, приходят люди «со странностями». Например, эта женщина, читающая сейчас яркий глянцевый журнал «Женские секреты». Сидит босиком в спортивных штанах и элегантном платочке, обвязанном вокруг шеи. Сама маленькая, кругленькая, кожа белая, а руки ниже локтей покрыты густыми тёмными волосами. Вот она встаёт и, довольная, шагает босиком к Тане. «Ухожу! – показывает журнал, щёки круглятся от усатой улыбки. – Очень мне нравится у вас читать, так уютно!»

Таня протянула контрольный листок и читательский билет. Снова никого. И хорошо: можно посидеть спокойно, расслабленно, подумать о чём-нибудь. Таня устремила стеклянный, застывший взгляд в пустоту. «О чём это я думала? Ах да, о читателях!»

Был период, когда каждый день появлялся темноволосый мальчик лет четырнадцати в узких синих джинсах: возьмёт журнал про автомобили, резкой походкой, сшибая стулья и углы столов, пройдёт к креслу; размашисто сядет, поставив одну ногу на другую и далеко выставив острую коленку. Наверное, если было б можно, он закидывал бы ноги прямо на ближайший стол!

Ещё заглядывает старичок с седой бородой и улыбочкой. Только он не за чтением. Встанет на входе, вытянув голову, быстро оглядит зал и выложит на ближайшую кафедру ровно столько шоколадных конфет «Черёмушки», сколько в зале молоденьких библиотекарш. Причём, вынимает конфеты из кармана штанов, где они успевают слегка размякнуть. Девчонки, в том числе Таня, брезгуют угощением, которое ещё долго сохраняет стариковское тепло, но не выкидывают, складывают на полке в шкафу. А у Тани теперь с конфетами «Черёмушки» неприятные ассоциации, даже если видит их в магазине. Говорят, старичок приходит в основном из-за Ани Нестеренко с абонемента, но как истинный джентльмен не забывает и остальных.

Появляется иногда худенькая пожилая женщина, похожая на девочку-первоклассницу. Стоит перед Таней в своей штопаной серой юбке, переминается с ноги на ногу, прячет пальцы в ладони и, застенчиво улыбаясь, затевает нескладный разговор:

– Как у вас настроение?.. Это хорошо, что хорошее! От хорошего настроения… и всё вокруг… всегда приятно… Погода солнечная, тепло… А дождь вчера был… сегодня нет… Я вам так благодарна, что вы в тот раз так внимательно отнеслись! Столько книг по истории принесли для меня… Спасибо… Так приятно такое отношение… А вот я решила про литературу… что-нибудь почитать… У вас есть… про литературу?

– Вам о литературных произведениях? Критические статьи? – не понимая, спрашивает Таня.

– А? Нет… мне… Может, учебники школьные? Так всё сейчас интересно… знания получать, – она краснеет, не знает, куда девать руки, и дёргает ими по бокам туловища, при этом покачиваясь, как пингвин. – Если можно, о писателях разных, их жизнь… Так интересно, как жили… И стихи! Я люблю стихи… Поищите, пожалуйста, если это не трудно вам, – смотрит испуганно, словно ждёт наказания за «дерзкую» просьбу.

– Здесь много книг с биографиями писателей, и учебники есть, – Таня уходит к пыльным стеллажам.

На этот раз она не будет долго и старательно, как в первые месяцы работы, подбирать книги, составляя из них тяжёлые высокие стопки. Она уже поняла: потратишь много времени и сил, а читатель в результате воспользуется только крошечной долей предложенного. Лучше выдавать понемногу, постепенно.

– Спасибо большое! – сияет от счастья женщина.

Иногда она даже домой к Тане звонит – поболтать ни о чём. Честно говоря, Таню не радуют подобные звонки, но она вежливо поддерживает разговор: не обижать же человека.

…Надо заняться свежими газетами! Таня достала большой красный дырокол и привычными движениями принялась прокалывать и подшивать номера. После газет руки посерели, и Таня направилась к умывальникам через фойе, украшенное яркой зеленью папоротников, пальм и фикусов.

Каждый раз, выходя из читального зала, Таня мечтает встретить молодого рыженького программиста по имени Ваня. Он на голову ниже Тани, много курит, но зато у него круглое хитрое лицо и широкая грудь, обтянутая чёрной водолазкой.

В коридоре пусто, только библиограф за компьютером. Кабинет, где сидит Ваня, закрыт. Таня тщательно вымыла руки и, непрерывно отряхивая их, вернулась в читальный зал. Да-а, с Олесей было веселее: разгадывали сканворды, и легко можно было отлучиться, например, в зал абонемента или на первый этаж в отдел иностранных языков, или даже на улицу. Олеся сейчас в отпуске, потом в отпуск уйдёт Таня.

Пообедала в закутке за шкафом йогуртом, песочным пирожным и чаем. Это место, скрытое от посторонних глаз, Таня и Олеся оформили, как им нравится: прилепили постер симпатичной певицы, а ещё – пошутили: поставили между стеллажами огромный жуткий портрет неизвестного с глазами навыкат, а над портретом повесили изречение, найденное среди бумажных праздничных заготовок: «Подчинённый перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство (Указ Петра I числа 9, месяца декабря, года 1708)». Директор пока этого не видела.

Появился новый читатель, за ним – ещё. Так постепенно день подходил к концу. Обычный день. Такой же, как все предыдущие. Под вечер зал опустел. Таня сидела за столом, положив голову на руки, и задремала… Резкий звук сотового вырвал её из дрёмы, заставив содрогнуться всем телом: «Чух-чух-чух-чух ту-у-у!» – прибыл поезд, а для Тани значило, что пришла эсэмэска. Подумала: «Опять от Олеси». Минут двадцать назад отправила ей сообщение: «Чем занимаешься?» – и получила ответ: «Сижу дома, болею».

Нет, не от Олеси… Таня несколько раз перечитала, и сердце забилось сильнее. «*Нам очень надо встретиться. Жду в Отоке*». Внизу вместо имени номер: 17-45-20. Таня порылась в записной книжке, но не нашла знакомых с таким номером. «Кто-то ошибся», – мелькало

в голове, хотя сердце продолжало учащённо биться. «А вдруг не ошибся? Вдруг это то, о чём я мечтала всю жизнь, – волшебное приключение, дверь в иные миры?!» – сладко пел другой голос. Таня судорожно составила ответное сообщение: «Вы не ошиблись номером?» Экран долго показывал попытки сотового отправить сообщение, а потом высветил надпись: «Отправленное сообщение отклонено». «Наверное, этот кто-то находится вне зоны досягаемости», – подумала Таня и вдруг догадалась: «Ведь 17-45-20 – это ж номер не сотового, а обычного телефона! Поэтому не могу послать эсэмэску!»

– Собираемся! – скомандовала Аня Нестеренко с абонемента, заглядывая в читальный зал. – Не забудь закрыть окна и выключить ксерокс!

Сегодня она дежурит и, конечно, заинтересована, чтобы все поскорее покинули библиотеку, потому что сама должна уйти последней. Но Таня её почти не слышала, только кивнула машинально. Надо выяснить, кто скрывается за номером 17-45-20! Побежала по коридорчику в методический отдел: кажется, у них есть телефонный справочник. «Он в отделе комплектования, – сказала методист Елена Васильевна, собирая сумку, – но они уже ушли». Таня и так видела, что ушли: дверь заперта… А, вообще-то, зачем справочник? По нему всё равно не найдёшь, надо знать фамилию… Позвонить по 09? Так они, кроме номера телефона, ничего не сообщают.

Нина Степановна уже ушла: на двери висит замок. Снова появилась Аня с недовольным лицом.

– Ты уже собираешься?

– Да-да, сейчас!

С трудом закрыла окна: задвижка шпингалета никак не входила в паз. Выключила свет, закрыла двери.

Как ехала в маршрутном такси до дома, она и не помнила: улицы за окном, попутчики словно выпадали из поля зрения, перед глазами мелькали лишь беспорядочные мысли по поводу странной эсэмэски, различные предположения складывались в воображаемые ситуации. «И всё-таки это номер сотового, ведь нельзя же с обычного телефона отправить эсэмэску! – Таня взяла сдачу и вышла на своей остановке. – Или можно? Кажется, сначала надо позвонить в какую-то службу, а она передаёт сообщение… Или я что-то путаю?» Если бы Таня пересчитала сдачу, то поняла бы, что переплатила за проезд один рубль.

На следующий день случилась ещё одна неожиданность. Утром пришла Надя Елисеева из библиографического отдела. Таня в это время стояла в дверях книгохранения и разговаривала с Ниной Степановной.

– Тань, ты ещё не слышала, что одной из наших девчонок, если согласится, предстоит жить в другом городе?

Таня сдвинула брови, вопрошающе глядя на Надю.

– Не помню название, где-то недалеко. Там хотят модернизировать одну из библиотек, превратить её вроде как в научную. А своих специалистов почему-то не хватает. Хотя понятно: городок маленький, почти деревня. Им нужен не просто библиотекарь, а библиотекарь с высшим филологическим образованием. А вы ведь с Олесей как раз филологи. Ну как, хотела бы уехать? – Надя иронически улыбнулась.

– А что за город? – Таня вспомнила про вчерашнюю эсэмэску. – Ах да, ты не помнишь… Необычно это всё, правда?

Надя пожала плечами:

– Я бы не поехала. Увезут в какую-нибудь глушь. Зарплаты там наверняка низкие!

– Ой-ой, баламутишь ты, Надя! – Нина Степановна покачала головой. – Кто тебе вообще сказал про этот город? Я думаю, там и без нас обойдутся. А зарплаты у библиотекарей везде примерно одинаковые.

– Нина Степановна, мне Галина Викторовна сказала! Она соберёт сегодня девчонок с обслуживания и объявит им.

– Слушай, а где жить? – спросила Таня. – Снимать, что ли?

– Насколько я поняла, жильё предоставляется.

– Это хорошо, а то без жилья кто согласится?

– Заинтересовало предложение?

– Я не знаю… Наверное, хотелось бы. Пожить самостоятельно, отдельно от родителей…

– Ты смелая, – мягко проговорила Нина Степановна. – Быть одной в чужом городе опасно. Тем более ты молоденькая девушка.

– Да чего бояться?! Можно познакомиться с соседями, найти друзей!

Тут Таня сменила интонацию и, опустив голову, пробормотала:

– К тому же пока неизвестно, может, кто-нибудь ещё, кроме меня, захочет, и я не поеду.

– Есть время подумать и передумать, – усмехнулась Надя. – Ну ладно, я пойду! Нина Степановна, книгу я забыла, но завтра точно принесу! Ведь приготовила, на стол положила – и всё равно забыла! Память старческая!

Надя ушла. «Не самая приятная девушка», – подумала про неё Таня. Угловатая, очень сутулая, широкоплечая, рот большой. Таню всегда коробило, когда она говорила о себе, как сейчас: «Память старческая», или: «Года идут», или: «Старческие маразмы», или: «Теперь, конечно, труднее, чем раньше». Вроде молодая, ненамного старше Тани. Сама себя программирует! В начале знакомства (они тогда вместе работали в читальном зале) Таня решила, что у неё нет чувства юмора. Но на празднике 8 Марта, когда девчонки устраивали представление для библиотекарей «в возрасте», изменила мнение: всё-таки Надя умеет веселиться!

С Надей часто приходилось спорить по поводу косметики. Дело в том, что Таня совсем не красится, а Надя убеждала, что хоть немного, но краситься надо, ведь это «элементарные правила этикета».

Сегодня директор не устраивала собрание, хотя Таня весь день ждала, что вот-вот. У кого ни спрашивала, или ничего не знали, или знали мало. Название города так и оставалось загадкой. Таня думала: «А вдруг Оток? Вдруг эсэмэска не случайна?» Она уже представила, что в Отоке ждёт её некий молодой прекрасный мужчина.

Чтобы выяснить, кто скрывается за цифрами 17-45-20, обратилась к старшему брату Серёже, жившему отдельно от родителей в съёмной квартире. У него на компьютере есть программа, ищущая людей по адресу и по телефону. Только оказалось, что номер 17-45-20 не занесён в базу. «Значит, это не в нашем городе», – напрашивался желанный вывод. К тому же Таня позвонила по данному номеру с обычного телефона, и почти сразу механический женский голос оповестил: «Неправильно набран номер. Проверьте, пожалуйста, набор». Видимо, сначала надо набрать код другого города.

Собрание в библиотеке состоялось через день. Директор пригласила в кабинет Ларису Шенделеву с абонемента, Свету Веселову из отдела иностранных языков, Таню и ещё одну девушку, которая недавно устроилась и проходила стажировку в игровой комнате. Пригласила не всех – видимо, только тех, у кого филологическое образование и кто не в отпуске. Нина Степановна осталась караулить читателей.

Галина Викторовна – внушительная женщина в строгом светлом костюме и с жёлтыми приглаженными волосами, собранными на затылке в узел, – сидела во главе составленных в ряд столов. Молоденькие библиотекарши, как ученицы, сидели по обе стороны. Вообще-то, она вовсе не являлась директором, а только заместителем директора, но все почему-то именно её считали своим начальником. Настоящая директор, Ольга Петровна, в библиотеке появлялась редко, была улыбчивой и незаметной. С Галиной Викторовной они были как подружки.

– Кто-то из вас, наверное, уже слышал, что к нам обратились из муниципальной библиотеки города Отока…

Танино сердце болезненно подпрыгнуло, его частый стук отдавался в голове, дышать стало трудно. «А может, послышалось?»

– Какой город? Оток? – переспросила, кашлянув.

– Да, Оток. Насколько я знаю, он закрытый и на карте не обозначен. Библиотека, которая обратилась к нам, собирается приобрести статус научной, расширяет площадь, реорганизует отделы, состав сотрудников, обновляет и расширяет фонды. На данный момент сделан евроремонт. Это будет первая в Отоке стандартная научная библиотека. У них уже есть научные библиотеки, две или три, но они… нестандартные. В Отоке получило развитие авторское направление в образовании, называемое куртовским, по имени его основателя. И все учебные заведения придерживаются этого направления. Поэтому выпускникам трудно устроиться за пределами Отока. И вообще, город жил до сих пор уж очень обособленно от всего мира. Отоковчане понимают это и делают первые шаги, так сказать, в мир… Уже почти шесть лет некоторые школы Отока работают по стандартной программе. Четыре года назад открылся филиал Томского университета, преподаются пока только филологические дисциплины. Вот при этом филиале и организуется новая научная библиотека. Для работы в ней Отоку требуются специалисты-филологи. Своих специалистов нет, поэтому обратились к нам. До этого обращались в библиотеку ТГУ[1], но получили отказ. Я собрала вас, девочки, чтобы вы подумали по поводу переезда в Оток. Жильё предоставляется – приличная однокомнатная квартира недалеко от места работы. Зарплата будет не ниже, чем здесь. Я говорила о том, чтобы повысить: всё-таки жить придётся вдали от родителей. Говорят, возможно повышение до трёх тысяч, но этот вопрос пока рассматривается.

– Не лучше бы этим… отоковчанам обратиться в кадровое агентство и поискать незанятых людей? – хмыкнула Лариса Шенделева.

– Им нужны опытные, а не люди с улицы, – холодно отозвалась директор.

– Что, всё это время библиотека у них не работает? А как же студенты? – спросила Таня.

– Библиотека, конечно, работает, только не хватает сотрудников.

– Раз в Отоке есть вузы, то это, наверное, не деревня?

– Если честно, Татьяна, я там не была и не знаю, похож ли он на деревню. Оток – маленький город, меньше нашего. Примерно 150 тысяч жителей.

– Ой, я не разбираюсь в цифрах, – пробормотала Таня. – А у нас сколько жителей?

– У нас 500 тысяч, – директор резко повернула голову. – Мне рассказали, что Оток – красивый старинный город. Вы будете жить и работать на окраине. Квартира предоставляется благоустроенная. Если кто надумает, то выезд состоится 9 сентября.

– Оток какой-то непонятный, – хмурясь, размышляла Лариса. – Впервые о нём слышу, странно. Где он находится?

– 700 с лишним километров отсюда.

– Ой… Это близко или далеко? – вновь смутилась Таня, обращая вопрос к рядом сидящей Свете.

Та задумалась:

– Кажется, за сутки можно добраться.

– Девочки, я уточню, сколько по времени. Да недалеко, вы не беспокойтесь! Сможете часто приезжать к родителям. Я бы на вашем месте согласилась, не раздумывая. Вы молодые, у вас всё впереди. А тут всё-таки квартира, не везде такое предлагают. Зарплату обещают повысить. Найдёте в Отоке мужа, создадите семью. Думайте! Есть ещё вопросы?

Девчонки молчали, потупив взгляд.

– Ну, тогда приступайте к работе! – директор встала.

---

[1] ТГУ – Томский государственный университет.

Таня побрела в читальный зал. Голова кружилась, словно в неё накачали больше, чем она способна вместить; тело сотрясала мелкая дрожь. «Оток, эсэмэска… Что всё это значит? Как поступить? Неужели *надо* уезжать? Раз меня там ждут, значит, для них само собой разумеется, что я соглашусь на переезд. Но вообще-то я бы хотела остаться при свободе выбора! Я даже не знаю, кто эти люди (или человек), которые меня, видите ли, ждут! Хочу сама решать! А вдруг родители не отпустят? И как я буду жить даже на три тысячи? Можно ли прожить на эти деньги? А если город и в самом деле похож на деревню? Я не хочу жить в деревне! Хотя он старинный… Наверное, там средневековые замки. Так загадочно!»

Таня бездумно обслужила нескольких читателей, кого-то отправила к каталогам выписывать требования. «Я не обязана подбирать вам книги! – злилась она. – И вообще, оставьте меня в покое! Что-то вас сегодня слишком много!» Вслух, конечно, она этого не произносила.

Вот бы на улицу, пройтись не торопясь! Сесть на скамейку возле фонтана, подумать обо всём. «А ведь в ближайшее время я собиралась увольняться: надоела библиотека. Но теперь всё меняется! Становится интересно! К тому же я всё равно не представляю, кем мне понравится работать».

Появился читатель, которому надо было отксерокопировать сценарий праздника из газеты «Первое сентября». Таня со скрипом и вздохом встала и поплелась к ксероксу. Ох, как не любила она это занятие! Мало того, что отксерокопируй, ещё и заполняй бумажки! Выписать квитанцию, попросить расписаться, заполнить графу в специальной тетради, отнести деньги в шкаф за стеллажами. А иногда приходится бегать по всей библиотеке, чтобы разменять купюру и отдать сдачу.

После четырёх в зале стало тихо: на диване молодая женщина разглядывала журналы по вязанию, и мужчина за столом листал объёмную подшивку газет.

– Нина Степановна! – с сияющей улыбкой Таня смотрела в пространство увлажнёнными затуманенными глазами и сжимала на груди руки. – Я, наверное, хочу поехать! Что-то необычное, новое!

– Смелая ты, Танюшка. И что же, покинешь нас?

– Сначала узнаю, как девчонки настроены!

Сбегала, расспросила: ни Лариса, ни Света переезжать не собирались, причём категорически. И новенькая из игровой комнаты, судя по всему, тоже: уж слишком отстранённо вела себя на собрании.

– Ой, извините, Нина Степановна, задержалась! – запыхавшимся голосом выпалила Таня, вернувшись на рабочее место и быстро оглядывая пустой зал. – Никого больше не было?

– Нет, да уже, наверное, и не будет: скоро закрываемся.

Ошиблась! За пятнадцать минут до закрытия прибежала заполошная женщина и умоляла, чтобы ей выдали под залог энциклопедию. Таня объяснила, что, во-первых, энциклопедии не выдаются, а во-вторых, уже поздно, без десяти шесть все читатели должны покинуть библиотеку.

– Ну пожалуйста, мне очень надо! Завтра утром я обязательно принесу! – твердила женщина.

Таня долго с ней воевала, вновь и вновь втолковывала, почему читальный зал не выдаёт энциклопедии, потом усталым голосом объясняла, что процесс оформления залога долгий, а времени уже нет. При этом демонстративно переворачивала на столы стулья. Женщину это не останавливало и нисколько не смущало. В конце концов, она добилась своего! Таня со вздохом выписала квитанцию, потребовала росписи в трёх местах и выдала энциклопедию.

– Завтра до 12 вы должны вернуть! – в сотый раз повторила она, прикрепляя бумажку с фамилией к денежным купюрам. – Эта энциклопедия часто спрашивается!

– Хорошо-хорошо! Я обязательно верну! – женщина убежала.

«Бывают же люди! – усмехнулась Таня – Стену прошибут!»

Дома за ужином она сообщила родителям и сестре неожиданную новость, умолчав об эсэмэске, потому что это могло насторожить и настроить против Отока.

– Соглашайся, конечно! – отреагировал папа. – Дают квартиру, стабильный заработок. Соглашайся! Только что это за город – Оток? Никогда о нём не слышал. Говоришь, закрытый?

– Я так поняла, что он раньше был закрытым, а сейчас уже нет. Кажется, семь тысяч километров отсюда… Ой, шестьсот пятьдесят… Ой… Забыла цифру! Папа, а если шестьсот километров, то это далеко?

– Если шестьсот, то часов восемь езды. А если семь тысяч, то чёрт-те где! На Камчатке, что ли?

– Не-ет! Сказали, близко.

– Надо подробно узнать о городе, – мама с застывшим скептическим выражением смотрела в одну точку перед собой (Таню всегда раздражало, когда её лицо становилось таким).

– Поинтересуйся, как туда добираться, – продолжала она. – И вообще, в какой стороне находится этот Оток, рядом с какими другими населёнными пунктами?

– На три тысячи ты, конечно, не проживёшь, – сказал папа, – но можешь рассчитывать, я тебе помогу!

– Да не торопись ты, Женя! – одёрнула мама. – Вечно лезешь!

– А ты вообще молчи, умная! Иди, тебе пора бучо[2] делать!

– Хватит вам! – закричала Таня. – Мне вот непонятно: если я захочу уволиться, квартиру у меня отберут?

Прежде чем ответить, папа ещё раз злобно рыкнул на маму.

– Об этом будет сказано в договоре. Да Та-аня, даже если придётся отработать 15 лет! Работа, она и есть работа. Куда ты ещё можешь устроиться со своим образованием?

– Учителем.

– Учителем! Только учителям квартиру не предлагают. Надо думать о своём будущем!

– Ой, папа! – резко вмешалась сестра Вера. – Да библиотечная жизнь – это болото! Никакой перспективы! Что, всю жизнь прозябать, как канцелярская крыса? Мне кажется, уж лучше быть учителем, хотя и школа – болото!

– Вы не понимаете простых вещей! – папа выставил ладонь ребром, нервно чеканя слова. – Работа не должна нравиться! Это работа! Вы забили головы какими-то мечтами!

Уходя в свою комнату, Таня размышляла над Вериными словами: «Библиотечная жизнь – болото». «Ну почему? Слишком резко она судит! Мне многое нравится в библиотеке. Просто сестре, наверное, она не подходит».

Вера открыла дверь, спросила:

– Ты хочешь уехать?

– Мне кажется, было бы интересно.

– То, что жить отдельно от родителей, конечно, здорово, – согласилась Вера.

И стала долго рассуждать по поводу плюсов и минусов житья в Отоке. Тане показалось, что сестра тоже с удовольствием бы уехала.

– Если уеду, приезжай ко мне на каникулы! А то одна я, наверное, умру со скуки.

– А ты время зря не теряй! Найди богатого мужа, смотри там по сторонам, ходи в кафе, кино, – Вера говорила как всегда очень громким, резким голосом.

– А у меня ведь кое-что случилось! Я не рассказывала, чтобы родители не знали, и ты им не говори, ладно?

– Не скажу. А что случилось?

И узнала об эсэмэске. Хоть и Вера, но не поверила, даже когда Таня показала сообщение на сотовом.

---

[2] Бучо (саркастич.) – искажённое «бухгалтерский учёт».

– Это похоже на истории про инопланетян, которые ты рассказывала мне в детстве.

– В детстве была игра! А сейчас зачем мне играть?

– Может, кто-то из девчонок в библиотеке пошутил? Кто-то наверняка заранее знал об Отоке!

– Ты думаешь?..

Такая мысль Тане в голову не приходила, и, если честно, она вовсе не была приятной.

– Погоди, а номер? Почему номер такой странный? – Таня протянула сотовый, чтобы Вера убедилась.

– Тань, не знаю я, что за номер. Но не думаешь же ты, что это какие-то инопланетяне прислали эсэмэску?

– Ну, не инопланетяне, но вдруг кто-то в Отоке откуда-то меня знает? Может, мы были знакомы здесь, в Томске… А что, если это Женя? Женя Гордецкий!

Таня общалась с ним, когда училась на первом курсе. Потом он уехал в другой город, целый год они переписывались, пока Таня не остыла – точнее, пока Танина страсть не переключилась с Жени на солиста рок-группы «Агата Кристи» – лохматого мрачного Глеба Самойлова. В последнем письме к Жене Таня делилась любовными страданиями по рок-музыканту, на что Женя написал: «Ревновать к солисту „Агаты Кристи“ – это всё равно что ревновать к фонарному столбу». Таня оскорбилась и отвечать не стала. Тем более к тому времени больше не чувствовала влюблённости в Женю: двоим в сердце не место.

– Женечка? – Вера хихикнула. – Но-но, вспомнил прежнюю любовь! А разве он уехал в Оток?

– Нет, но прошло столько времени! Мало ли где он сейчас!

– А откуда он узнал про ваши дела в библиотеке?

– Может, и не знал. Может, это совпадение.

– Нет, я не верю в такие вещи! Да и зачем бы Женя стал скрытничать? Почему бы прямо не назваться? Нет, Таня, кто-то из девчонок пошутил наверняка! А номер у тебя, скорее всего, неправильно определился.

…Таня узнала код города Отока. Правда, когда попыталась позвонить с домашнего телефона, получила прежний результат: «Проверьте, пожалуйста, набор».

Всё меньше и меньше Тане нравилось работать в библиотеке. В пятницу, например, Галина Викторовна загрузила дополнительными делами: бесконечным ксерокопированием дидактической брошюрки. А потом ещё пришлось скреплять листы всех отксерокопированных экземпляров. Таня злилась и возмущалась перед Ниной Степановной и Аней Нестеренко, которую отправили с абонемента помогать (ведь кто-то должен обслуживать читателей).

Аня высокая, смуглая, с чёрными блестящими глазами, чем-то похожа на египетскую царицу, если не замечать чрезмерную сутулость (интересное наблюдение: в библиотеке многие девчонки сутулы, в том числе сама Таня).

– Почему я бегаю с этими бумажками?! – кипела девушка. – Это не входит в мои обязанности! За это не доплачивают! Мне вообще этот ксерокс даром не нужен!

– Мы-то здесь при чём? – с неожиданной воинственностью отозвалась Аня. – На нас-то ты чего орёшь?

– Я не на вас ору, – Таня смутилась, взглянув на напарницу неприязненно. – Просто считаю, что у меня есть список обязанностей, а ксерокопирование вовсе не библиотечное дело. Это дополнительная работа, и мне за неё должны платить.

– Деньги от ксерокса идут на библиотеку, нам всем в результате от этого лучше!

– Каким боком лучше?!

«Аня какая-то глупая и недружелюбная! Зря я перед ней вела себя откровенно! Она, кажется, близко знакома с Галиной Викторовной, и, кажется, это Галина устроила её в библиотеку. Пусть идёт на свой абонемент!»

По пути домой Таня долго вспоминала стычку с Аней и мучилась чувством вины. Честно говоря, это одно из её «любимых» занятий – мучиться и винить себя. Таня решила позвонить Ане и извиниться, только в записной книжке не оказалось её номера. Тогда Таня подумала, что, если мысленно попросит прощение, это сработает, ведь мысли материальны. И правда: сработало! На следующий день общение между девушками было вновь непринуждённым и приятным, как будто ничего не произошло.

Таня вспомнила, что Олеся ещё не знает о последних событиях в библиотеке, и после обеда позвонила ей из методического отдела – ближайшего к читальному залу места, где есть телефон. Олеся с любопытством выслушала, по ходу задавая вопросы.

– Интересно то, что ты рассказала.

– Ну и как ты, поедешь?

– Нет, наверное. Не знаю, не могу сразу сообразить. А ты что думаешь?

– Тоже не знаю пока, – соврала Таня.

– Я собираюсь на днях к вам заглянуть.

– Приходи, расскажешь, как отпуск провела.

– Да никак не провела, ничего особенного: насморк, температура, как нарочно.

– И никуда не ездила?

– Нет.

После разговора Тане сразу захотелось сообщить Галине Викторовне о желании ехать, пока не опередила Олеся. Жаль, что по субботам замдиректора не бывает на месте – придётся ждать до понедельника.

Мама относилась теперь к вероятному расставанию с дочерью, конечно, нельзя сказать, что с воодушевлением, но больше положительно, чем отрицательно. Её успокаивала возможность общаться по сотовому и то, что Оток не деревня в непролазной глуши, а цивилизованный город, и туда ездит автобус. А Таня уже грезила о поездке! Мама правильно говорит: «Не понравится, всегда можно вернуться, не приговор же это!»

Что касается самой профессии, то библиотечная жизнь вовсе не болото! Во-первых, здесь окружают хорошие люди, можно весело общаться. Во-вторых, работа спокойная, никуда не спешишь, не делаешь несколько дел сразу (обычно). В-третьих, после работы голова свободна: можно подумать о чём-то другом, развлечься или посвятить себя хобби. Хотя… уже очень давно «хобби» в Таниной жизни отсутствовало: не было настроения рисовать, вдохновение не посещало.

Почему же Таня хотела уволиться? В основном из-за начальства, которое относится, будто к прислуге, и указывает, что и как делать. Ещё не нравилось, что коллектив чисто женский, и – бюрократизм, необходимость заполнять какие-то бумажки и ежедневно вести тетрадь посещаемости.

К тому же, как оказалось, тетрадь посещаемости – это совершенно лживый документ, нужный лишь для того, чтобы пускать пыль в глаза неким вышестоящим органам. Сначала Таня как честная и добросовестная девушка заносила туда реальное число посещений и реальное количество взятых читателями книг и журналов. Но потом Римме Олеговне, заведующей читальным залом, пришлось всё исправлять: удваивать, а то и утраивать цифры. Она объяснила, что так надо, что директор потом ещё накрутит, чтобы подогнать под те показатели, которые были в прошлом году, а лучше даже сделать их немного выше. Тогда вышестоящие органы будут выделять библиотеке больше денег. Наглая ложь возмутила Таню до глубины души, и поначалу она по-прежнему заносила реальные цифры. Но поняла, что от этого никому не легче, а даже наоборот – только больше хлопот той же Римме Олеговне! И скрепя сердце стала играть по их правилам.

Таня надеялась, что в новой библиотеке в другом городе всё будет иначе. Тем более Оток – город «нестандартный», как выразилась Галина Викторовна.

В понедельник Таня сообщила замдиректору о готовности работать в Отоке. Галина Викторовна приобняла её за талию, выразила сожаление, что их покидает такая обаятельная и талантливая девушка (она знала, что Таня рисует), и сказала, что во второй половине августа можно будет написать заявление и оформить документы.

– У тебя скоро отпуск. Желаю хорошо отдохнуть! – напоследок пожелала она и, наконец, отпустила Танину талию.

Во вторник пришла Олеся. От неё пахло летним воздухом и беззаботностью. Улыбающаяся, загорелая (несмотря на «сижу дома» и «температуру и насморк»), спрашивала: «Как вы тут?» – и болтала о несущественных вещах. Таня нетерпеливо поглядывала на неё, а рассеянной улыбкой старалась показать: «Да-да, я внимательно слушаю, и меня совершенно не волнует, когда ты заговоришь об Отоке».

– Я узнала от Тани, что одному из нас предлагают переехать в другой город – Оток, кажется? Что, Нина Степановна, не хотите ли новых впечатлений?

– Что ты, Леся, шутишь?! – Нина Степановна засмеялась.

– Туда отправляют только с филологическим образованием, – уточнила Таня.

– А-а, вот кто достоин сего! Ну, Нина Степановна, значит, не судьба!

– Вон Таня хочет нас покинуть.

– Ты всё-таки надумала? – Олеся повернулась к Тане.

– А ты хочешь?

– Не-а. Квартира у меня и так будет, когда замуж выйду, так что особого смысла не вижу.

– Откуда у тебя будет квартира?

– Бабушка сказала, что, когда выйду замуж, она переселится к родителям, а я – к ней. Так ты серьёзно решила в Оток?

Таня кивнула:

– Самостоятельная жизнь, новые впечатления!

Ей захотелось поведать об эсэмэске, только надо было, чтобы Нина Степановна не слышала.

– Ты сейчас на абонемент? Ещё сюда вернёшься? Я хотела бы с тобой поболтать, – намекнула Таня.

– Ой нет, я бегом! Надо много чего успеть. Мы же ещё увидимся, я надеюсь? – Олеся на миг взяла Таню за плечи.

– Конечно, выезд только в сентябре.

– Ну-ну, не теряйся! – и Олеся скрылась.

Глава 2

Предупреждение

Таня всегда считала, что раз в год во время каникул или, как теперь, во время отпуска обязательно надо куда-нибудь съездить, развеяться, иначе нельзя считать отдых состоявшимся. А без отдыха и свежих впечатлений, конечно, покроешься плесенью! Вот Танин папа уже лет двенадцать не только никуда не выезжал, но даже просто в отпуск не выходил: всё работал, работал и пил пиво после работы, закрывшись в комнате. Он считал свою жизнь нормальной. Но природа взяла своё! В прошлом году папа, как всегда, шёл на работу и, как всегда, думал, до чего ему всё осточертело и как он не хочет никуда идти. И бац! – поскользнулся, упал и вывихнул руку, да так, что еле-еле добрался до дома. Таким образом, папа всё-таки получил свой «отпуск» – правда, провёл его в больничной палате, зато без забот.

Таня не собиралась, как папа, доводить себя до крайности. Этим летом решила отправиться на Алтай в горы. Год назад она уже была на Алтае с подругой: в группе с гидом они совершили небольшой поход на лошадях. Вот и теперь: ещё не окончились рабочие дни, а Таня сходила в знакомое турагентство и узнала о разных видах отдыха на Алтае. В этот раз остановила выбор не на походах, а на туристической базе возле Телецкого озера. Турагент сказала, что Тане не придётся ехать одной: туда же собирается другая девушка, Танина ровесница, которую зовут необычным именем Ная, и с ней можно будет познакомиться здесь через неделю при оформлении путёвки.

В самом деле, хорошо, что рядом с Таней кто-то будет! Вдвоём веселее, да и Таня всё-таки ни разу в жизни не ездила за пределы родного города полностью самостоятельно: то мама брала всё в свои руки, то тётя, то подруга помогала сориентироваться в незнакомой местности.

Через неделю, предварительно созвонившись с турагентством, Таня приехала оформлять путёвку и встретила ту самую Наю. Широко раскрытые испуганные глаза, бледные незагорелые руки, очень прямая осанка; сама стройная, но какая-то чересчур подтянутая. Ходит как солдатик, резко поглядывая по сторонам, словно боится, что к ней подкрадётся хулиган.

Девушки прошлись вместе две остановки, поговорили. Ная работает продавцом в фотосалоне, любит читать книги по истории, но давно распрощалась с мечтой поступить на исторический факультет: пыталась когда-то, но провалила вступительный экзамен. «Попытайся снова!» – подбодрила Таня. Ная неопределённо покачала головой и едва слышно сказала: «Нужны способности, которых у меня нет». Таня стала горячо переубеждать, а девушка молча, строго, без улыбки слушала. Потом уехала домой, а Таня решила прогуляться.

Солнце ярко освещало здания и выложенные мелкой плиткой улицы, грудь высоко вздымалась, переполненная радостным чувством перемен и свободы. Хотелось побежать вприпрыжку, нечаянно вспугнуть воркующих голубей: те бы взлетели и закружились над головой, громко хлопая крыльями. Унылые стены библиотеки, до свидания! Больше не потребуется каждый день приходить на работу! Спи, сколько хочешь, делай, что хочешь! Таня съела мороженое, купила в магазине «1000 мелочей» шампунь, зубную пасту, мыло – в поездку. И, несколько уставшая, отправилась домой.

Хотя свободного времени было теперь в избытке, Таня так и не садилась за рисунки. Ведь она постоянно была чем-то занята: то посуду надо мыть, то в комнате прибрать, то родители зовут на мичуринский собирать ягоду, а то по телевизору идёт интересная передача «Час Суда» (про судебные разбирательства) или реалити-шоу «Дом 2» (где молодые люди выясняют отношения). Получается, что времени на творчество не хватает, ведь чтобы рисовать, надо сосредоточиться, погрузиться в процесс, а это непросто.

Через несколько дней наступило время отбытия. Папа проводил до вокзала, купил Тане пакетик апельсинового сока, они сели на скамейку под солнцем (места в тени были заняты) и ждали, потому что до прибытия автобуса оставалось ещё полчаса. На вокзале Таня встретилась с Наей. На ней были серые брюки, как в прошлый раз; через плечо перекинута маленькая дорожная сумка. Таня сравнила со своей – большой клетчатой – и застыдилась: во-первых, обычно в таких клетчатых сумках торговцы привозят на рынок товар, а во-вторых, складывалось впечатление, будто Таня взяла огромное количество вещей, а ведь Ная как-то обходится малым.

Девушки сдали сумки в багажное отделение автобуса и устроились на мягких откидывающиеся сиденьях. Тане повезло: досталось место у окна. С широкой улыбкой она долго махала папе через стекло, мечтая, чтобы автобус поскорее тронулся, а папа поскорее скрылся из виду.

Они поехали в Новосибирск, где собиралась туристическая группа. Оттуда ночью в специальном просторном автобусе их повезут на Алтай. По пути до Новосибирска ели бананы и яблоки и немного разговаривали.

– У тебя такое необычное имя – Ная. Кто тебя так назвал?

– Мама.

– А как твоё имя записано в паспорте?

– Так и записано – Ная.

– А вместе с отчеством?

– Ная Сергеевна.

– Интересно! А уменьшительно-ласкательно тебя называют Наюшка? Найчик?

– Никак не называют, Ная и Ная.

– Тебе, что ли, не нравится твоё имя? – заподозрила Таня.

– Вообще-то мне бы больше хотелось, чтобы меня назвали Леной или Викой.

– Хм… «Ная» довольно красиво звучит. Похоже на «Даная». Может, в паспорте следовало написать «Даная»?

Спутница взглянула расширенными глазами и вполголоса, но твёрдо, как учительница заявила:

– По-моему, это совершенно разные имена. И мне не нравится «Даная».

Больше ни о чём особенном не говорили.

Поначалу Таня не отрывалась от окна, вбирая восхищёнными глазами блестящую сочную зелень деревьев, изгибы оврагов и промелькивающие гроздья жёлтых цветов. Но потом утомилась от солнечного света, бьющего в лицо, задёрнула шторку и откинулась на сиденье.

Вот и Новосибирск с высокими серыми домами и широкими грохочущими проспектами. Ная предложила дойти пешком от автовокзала до назначенного места: мол, это недалеко. Таня целиком положилась на спутницу, и они зашагали вдоль дороги, время от времени останавливаясь, потому что у Тани из-за сумки уставала рука. Ещё издали Таня догадалась, что почти пришли: у ступеней белого здания толпились люди в бриджах, панамках и солнцезащитных очках – туристы. Рядом на асфальте громоздилась поклажа.

Таня мгновенно прицелилась: что за люди? А главное, какие мужчины составят компанию во время отдыха в горах? Ведь, если откровенно, ради них, мужчин, она здесь! Ну, конечно, ещё ради отдыха и впечатлений… Но что за впечатления, если опять ни с кем не познакомишься и так и проведёшь отдых в одиночестве?

Галдят парень с девушкой – видно, муж и жена; оба боевитые, плотного телосложения, в тёмных очках. Рядом кучкуются четыре девушки с тонкими подведёнными бровями, яркими причёсками, оголёнными животами. На них поглядывает парень в джинсах… вполне привлекательный. И ещё один паренёк держится в сторонке – невысокий (ниже Тани), кареглазый, выражение лица мягкое. Таня встала так, чтобы он её видел, принялась громко разговаривать с Наей, шутить и смеяться, иногда поворачивала лицо в сторону паренька, но смотрела мимо,

слегка прищурившись. Правда, она стыдилась своих бесформенных синих штанов, но зато у неё тонкая талия, и футболка с розочками на груди этого не скрывает.

Все уже отметились в списке, находящемся в руках низенькой женщины, и как раз подъехал высокий большой автобус с затемнёнными окнами. Таня знала по опыту, как холодно по ночам в автобусе, поэтому заранее приготовила свитер. Весёлые, возбуждённые туристы заняли места. Таня определила: кареглазый парень сидит позади неё сбоку. Низенькая женщина объявила, что на Алтае всех ждёт прекрасный водопад Корбу, рекомендовала каждому сходить на сплав и в двухдневный поход на водопад Учар (пятый в мире по силе, падает каскадами), пожелала счастливого пути и покинула салон. Таня повизгивала от предвкушения побывать на Учар, но Ная сказала, что это за дополнительную плату. «А вдруг недорого?» – понадеялась Таня. «Хотелось бы, конечно», – согласилась Ная.

Прошла долгая ночь в автобусе. Спать было ужасно неудобно: сиденья – это всё-таки не кровати. Да Таня и не спала почти, только дремала и ворочалась: то калачиком пыталась свернуться, то сползала, вытянув ноги под чужое сиденье. Поспать удалось, наверное, часа два и ещё часик перед выходом из автобуса.

За окном в утренней дымке высились горы, поросшие лесом. «Горы! Горы!» – ликовала Таня, хлопая в ладоши. И снова прилипала к холодному стеклу, поглощая глазами величественные алтайские дали. Оборачивалась в соседние окна, толкала Наю: «Смотри! Смотри!» Горы, как большие зелёные барашки, улыбались после сна.

Подъехали к озеру, на котором стоял железный катер. Зябко ёжась, вышли наружу и сразу стали искать туалет. Таня подобралась к самой воде и омыла лицо. Потом расчёсывала волосы, искоса наблюдая, смотрит на неё кареглазый парень или нет. А тот ни к кому не проявлял интереса, стоял поодаль, без стеснения разминая тело, потом вдыхал полной грудью и оглядывал озеро и горы. Хоть и холодно, а он в облегающей футболке, выделяются его мускулистые руки и широкая расправленная грудь.

Другой парень, в джинсах, который тоже, хоть и меньше, привлёк Танино внимание, ходил вокруг четырёх девушек.

– Посмотрите, какие здесь собаки! Чувствуют себя хозяевами! – неестественно громко говорил он девушкам, широко размахивая руками. – Не то, что в городах: там собаки какие-то пришибленные, я видел! А эти с чувством собственного достоинства. Правда, забавные?

Девушки, видимо, так не считали. Они даже не изменили положения, оставаясь повёрнутыми друг к другу, косились на непрошенного собеседника и поджимали губы то ли в усмешке, то ли в раздражении. Парень отошёл и снова приблизился, как маятник.

– А знаете анекдот! – заранее засмеялся он. – Жена говорит мужу: «Что это ты такой сонный и спина у тебя расцарапана?» А муж: «Да ты понимаешь, всю ночь не мог уснуть: спину себе царапал!»

Девушки даже не улыбнулись, и от этого Тане стало неловко за парня и очень его жалко! Она отвернулась и заговорила с Наей, лишь бы не видеть, как дальше развивается «знакомство» парня с девушками.

Подъехал ещё один катер; туристам велели подняться на него по деревянному трапу. Поплыли, быстро отдаляясь от берега. Засияло солнце, отражаясь в волнах. Озеро такое огромное! Справа и слева возвышались скалы, поросшие мхом, тонкими берёзками и соснами. Сначала казалось, что горы впереди смыкаются, но потом оказывалось, что одни горы ближе, другие бесконечно дальше, а между ними озеро делает поворот, и не видно, чтобы оно где-то кончалось. Плыли точно на юг – значит, там будет теплее и солнечнее, чем на северном берегу.

Туристов пригласили спуститься в трюм на завтрак; все столпились в маленькой каюте. Таня с трудом протиснулась к столу, взяла бутерброды с сыром и ветчиной, налила кипяток в пластиковую одноразовую чашечку и положила в него пакетик чая.

После завтрака сидела на ветру, держась за край скамейки, чтобы не скатываться назад: катер не стоял прямо. Стало очень холодно, хотя вовсю светило солнце. Пришлось доставать из-под чужих поклаж свою сумку и вынимать оттуда свитер… а потом и пуховик. На полпути катер причалил к берегу, чтобы туристы посетили водопад Корбу. На берегу, наоборот, стало жарко.

Таня всё старалась попадаться на глаза кареглазому парню, хотя прямо смотреть на него не решалась. У водопада, похожего на фату или раздутый капюшон кобры, туристы защёлкали фотоаппаратами. Мужчины раздевались и заходили под самый поток; раскидывали руки, натянуто улыбались и фотографировались так. Кареглазый парень тоже заходил – Таня незаметно его сфотографировала.

На обратном пути, наконец-то, начали сбываться Танины надежды. Она шла впереди парня и тут заметила большое ярко-зелёное насекомое на дороге.

– Ой! Какой большой кузнечик! – закричала, остановившись.

Кареглазый парень приблизился, взял насекомое пальцами и сказал:

– Это не кузнечик, а саранча.

– Как интересно, а я ни разу не видела! – Таня покраснела до ушей – конечно, не оттого, что стыдилась своего неведения.

В этот момент насекомое выскочило из рук.

– Я читал про них: стая саранчи действует как одно существо, а каждое в отдельности ничего не значит.

– Это как?! – возмутилась Таня.

– Представь: летит туча саранчи в чётко заданном направлении. Ничто не может её остановить, она пролезет через стены, кусты, огонь и воду – через любые препятствия, но не изменит направления. У этой тучи есть цель. А если отделить какое-нибудь насекомое от общей массы – просто взять его и оставить одного, – то оно не поймёт куда лететь, будет бессмысленно метаться из стороны в сторону.

– Интересно, но как-то грустно.

– Ты думаешь, люди устроены точно так же? – парень взглянул на неё своими тёмными завораживающими глазами.

– Не-эт!

– Тогда о чём ты сожалеешь?

Поднялись на катер и снова поплыли.

– А как тебя зовут, если не секрет? – Таня широко улыбнулась, облокотившись о перила; он тоже улыбался – мягко, пряча глаза.

– Гриша.

– Ну, теперь спроси, как зовут меня!

– Как?

– Таня. Интересно, мы с тобой ровесники?

– Не знаю.

– А сколько тебе лет?

– 26.

– Ой, а выглядишь намного моложе! Думала даже, что ты меня младше, а ты, оказывается, старше на два года. Скажи, ты был раньше на Алтае?

– Нет.

– А я была, в прошлом году. Тебе здесь нравится?

– Очень!

– Ты такой смелый, заходил под водопад! Понравилось?

– Честно говоря, нет! Вода ледяная и дышать нечем: дышишь воздухом вперемежку с каплями. Я пошёл туда из любопытства.

Он отодвинулся и встал боком. Таня с тоской посмотрела на расходящиеся волны, а он… удалился.

Уже показался берег. Вдоль него выстроились в ряд светлые деревянные домики. Позади них зелёной массивной стеной возвышалась гора. Значит, гулять можно только вправо или влево. Кстати, далеко слева есть что-то интересное, вроде заводи, – хорошо бы туда прогуляться… с Гришей!

Сошли на берег, устланный белым песком; всем выдали ключи от домиков. Здесь два коттеджа с балконом под крышей, остальные – бунгало: они проще и в три раза меньше. Таня и Ная поселились в бунгало рядом с умывальниками. Когда вошли, сразу почувствовали запах свежеспиленного дерева. Три узких окошка высоко над полом, зеркало, две кровати, тумбочка между ними. Девушки распаковали сумки. Ная положила на тумбочку увесистый потёртый том Льва Толстого «Анна Каренина», а сверху – ещё одну потёртую толстую книгу, с древним эпосом.

– И тебе в самом деле это интересно? – удивилась Таня, перелистав желтоватые страницы, сплошь исписанные тяжёлыми стихотворными столбцами.

– Да, – серьёзно кивнула Ная.

– Хм… Ты обязательно должна поступить на исторический! Ведь ты такая умная! Вон какие умные книги читаешь!

Ная криво улыбнулась, приподняв напряжённые плечи, и продолжала застилать постель.

Раздался звон колокола, призывающий в столовую. Столовая находилась в открытом деревянном помещении вроде большой веранды, непосредственно примыкающей к кухне. Перед столовой на песке, как в музее, была выставлена необычная композиция из гладких беловатых коряг. Каждая коряга на что-нибудь похожа. Например, была в виде двух змеек с глазами, носом, ртом и ухом – никто специально не рисовал, такая она от природы! Центральную корягу венчал череп коровы. Как потом выяснилось, этими корягами, ветками, стволами усеяны берега; волны долго полировали и отбеливали их, прежде чем вынести на сушу. Так что, если кто желал, мог сам поискать деревяшку необычной формы и внести свой вклад в «музей под открытым небом».

Туристы накладывали еду сами: подходили к большим противням, заваленным мясом и кашей, или брали салат из общих тарелок на столе. Гриша ел поодаль и однажды блеснул тёмными глазами в сторону Тани. На короткий миг их глаза встретились, но Таня тут же опустила взгляд в тарелку. Возвращаясь к бунгало, она видела, как Гриша в просторной беседке, соседствующей со столовой, играет в теннис с энергичным коротко стриженным мужчиной.

Такой милый, симпатичный… Мягкая улыбка, тёмный ёжик волос… Жалко только, что маленького роста! Когда Таня фантазировала, как они обнимаются, ей трудно давалась сцена, где она прижимается к его груди: всё представлялось, будто она больша-ая, а он ма-аленький…

Вечером в плотной застёгнутой на все пуговицы рубашке Таня прохаживалась вдоль озера. Группа туристов разожгла костёр и беседовала, сидя вокруг огня на облупленном стволе. Но Таня не приближалась к ним, тем более Гриши среди них не было. Донимали комары: вот уж Таня не думала, что на Алтае водятся эти писклявые назойливые насекомые!

Не Гриша ли впереди? Точно, он! Сразу в темноте не разглядишь. У кромки воды делает какие-то странные движения на полусогнутых ногах. Таня села поблизости на корягу, раздумывая: то ли встать и уйти, не мешать человеку, то ли остаться, чтобы продолжить знакомство. Гриша вскоре прекратил заниматься.

– Любишь спорт? – обратилась Таня.

– Это не спорт, а магические пассы! Читала Карлоса Кастанеду?

– Да! Мои любимые книги! – обрадовалась Таня.

– Значит, тебе будет полезно узнать, что у Кастанеды есть том, посвящённый магическим пассам.

Разговорились. Гриша предложил заниматься магическими пассами вместе – он научит! Таня сразу согласилась, правда смущало, что все будут глазеть, как они на берегу машут руками. «Сколько у нас общего! – мысленно ликовала девушка. – Он тоже интересуется эзотерической литературой, верит, что люди – энергетические коконы. И знаки зодиака у нас сочетаются: он Рыбы, я Водолей – не идеально, конечно, сочетаются, но всё же…»

– Ты где живёшь? – спросила.

– В Москве.

– А я пока в Томске. Но этой осенью переезжаю в другой город – Оток. Буду жить отдельно от родителей. Это по работе. Я же говорила, что работаю библиотекарем, а тут предложили перейти в библиотеку совершенно незнакомого города. Никто из девчонок не захотел, а я согласилась. Так волнуюсь из-за всех этих перемен! А ты слышал что-нибудь об Отоке?

– Нет, – Гриша отошёл и смотрел в сторону; его как будто нисколько не заинтересовала Танина история.

Неожиданно он стал быстро подниматься по песчаному склону к домикам. Таня – следом.

– Раньше Оток был закрытым городом, а теперь нет, – срывающимся голосом проговорила она.

– Ладно, пока! – бросил Гриша и направился к коттеджу, в котором поселился.

Таня выпятила нижнюю губу, нахмурилась, в глазах защипало от слёз. Собиралась рассказать ещё о загадочной эсэмэске… а этот Гриша какой-то грубиян! Хотя, может, Таня выбрала неудачное время: уже поздно, темно. Ведь он предложил совместные занятия пассами! Значит, Таня ему хоть немножко, но понравилась.

Ная читала, укрыв ноги одеялом. Напомнила Тане, чтобы та разулась у порога: не нужно заносить песок с улицы! Тане было это очень неудобно: бунгало такое маленькое, один шажок – и сразу крыльцо, тем более она не додумалась взять из дому ни тапок, ни дополнительных сланцев. Но спорить с Наей бесполезно! Сегодня они уже поругались из-за этого, а потом мирились.

Пряча покрасневшие глаза, Таня расправила постель и сразу легла лицом к стенке. Ная отложила книгу, выключила свет. Вскоре над самым ухом пронзительно запищали комары. Пришлось вскакивать и хлопать их блокнотом, который Таня взяла для черновых зарисовок. Когда снова улеглись, Таня призналась Нае в своих чувствах к Грише. Ная выслушала, но комментировать не стала.

– А у тебя есть друг мужчина? – спросила Таня.

– Нет.

– И тебе не грустно от этого?

– А что грустить? Мне этих знакомств и не надо!

Уже засыпали, как Тане пришла в голову идея, и она вновь зажгла светильник.

– Ты чего? – щурясь, проговорила Ная.

– Я сейчас! На секундочку воспользуюсь твоей книгой, прочитаю кое-что, ладно?

– Ладно, ладно…

Таня взяла «Анну Каренину» и наугад открыла: таким образом она получала «информацию свыше». Надо задать вопрос, а ответ найти в тех строчках в книге, куда упадёт взгляд. Таня мысленно спросила: «Какие чувства испытывает ко мне Гриша?» Ответ был: «…знаю Анну – извини меня, я не могу переменить о ней мнения – за прекрасную, отличную женщину…» Интерпретировать нечего, всё и так понятно! Он относится к Тане как к «прекрасной, отличной» девушке! Со счастливой улыбкой она вернула книгу на место и выключила свет.

Дни на базе сменяли друг друга, как страницы в книге. Особенно это сравнение касалось Наи, которая всё время сидела на крыльце и читала, перекинув ногу на ногу. Ноги её при этом были надёжно спрятаны в штаны – летние, лёгкие, но всё-таки штаны! Причём, когда она ходила, то так испуганно таращилась и так напряжённо вытягивалась в струнку, будто всерьёз боялась, что кто-нибудь вдруг подкрадётся и сдёрнет с неё эти штаны!

Ная никогда не валялась раздетая под лучами солнца, как делали многие. Например, четыре девушки, с которыми однажды пытался познакомиться парень в джинсах, каждый раз, когда выглядывало солнце, даже если было прохладно, расстилали полотенца и ворочали на них свои и без того коричневые спинки и ножки. А в это время над озером то тут, то там с лёгким плеском подпрыгивали рыбы: бульк! Купаться мало кто осмеливался. Женщина с веснушчатыми плечами, по имени Зина, каждый день заходила в воду, а выходя на берег, бодро восклицала: «Тёпленькая водичка!» Ничего себе «тёпленькая»! Таня как-то мочила ноги и немного отошла от берега: настоящий лёд! Скорее-скорее обратно на сушу!

Перед обедом, когда почти все загорали, Таня сидела на песке в купальнике и наблюдала за рыбами и блеском в волнах. Так она отдыхала от Наи и уборки в домике. Ная обожала прибираться: подметать, мыть. Ведь надо, чтобы на полу не осталось ни одной песчинки! Хотя разве это возможно, когда всюду песок?

При виде Гриши у Тани со всей силы сжималось сердце! Да даже не видя его, Таня умирала от муки. Хотя Гриша взялся учить её магическим пассам, он не проявлял инициативы к дальнейшему знакомству. С интересом слушал Таню, её размышления на разные философские темы, описания снов, в которых она «на самом деле» встречалась с кем-то (например, буквально этой ночью – с ним! Просто он не помнит). Гриша говорил: «Прикольно!» – и всё. «Ты интересная девушка», – произнёс однажды, и с тех пор Таня с утра до вечера носила эту фразу в голове, рассматривая её с разных сторон и неустанно обдумывая.

Во время занятий пассами (а состоялись они лишь два раза) Таня заметила, что у Гриши сильно дрожат руки. Сначала решила, что это от волнения, ведь она так близко и в короткой тонкой маечке, но потом увидела: руки у него дрожат постоянно. Не от пьянства, конечно (какой он пьяница!), а болезнь, наверное, такая. Ещё у Гриши на правой руке укорочен один палец: как он объяснил, отрубило на производстве.

Уже на второй день пребывания на базе Таня призналась Грише, что он ей нравится, даже очень. И сразу, увидев обеспокоенность на Гришином лице, стала оправдываться: нет-нет, это не значит, будто она собирается преследовать и донимать его или готова покончить с собой от бурной страсти.

– Я по натуре спокойная и никогда не испытываю каких-то диких страстей.

– Ну, слава богу! – облегчённо вздохнул Гриша. – А то я уже испугался за тебя.

– Скажи, есть ли вероятность, что ты когда-нибудь ответишь мне взаимностью?

– Вряд ли! Я предпочитаю оставаться независимым.

– Но ведь любовь не означает зависимость! Наоборот, любовь даёт свободу! По-настоящему любящий человек принимает тебя таким, какой ты есть, и не станет делать тебе плохо, принуждать к чему-то!

– В своей жизни я сталкивался с противоположным.

– Скорее, человек зависит от одиночества, чем от любви! – сердилась Таня.

– Меня одиночество не беспокоит.

– И что, ты никогда не женишься?

– Я был женат. Мы расстались без обид и до сих пор остаёмся друзьями.

– А почему расстались?

– Она хотела детей, а я не хочу. Помнишь, как написано у Кастанеды? От детей в животе образуются энергетические дыры.

– Ну, я тоже вроде рожать не собираюсь. Хочу найти мужчину, который стал бы мне другом, и мы совершали бы разные путешествия.

После этого разговора Таня размышляла: «Не всё потеряно! Просто он разочарован. Не нужно спешить ему понравиться, требовать от него. Он такой хрупкий, как цветочек… Милый Гришенька… Самое главное – он явно не отталкивает меня».

Гриша часто катался на катамаранах вдвоём с коротко стриженным мужчиной. Таня тоже хотела кататься, но не знала, с кем. Предложила Грише, он согласился, но долго не предоставлялась возможность: то нигде его не видно (наверное, в домике или отправился на прогулку куда-то далеко), то испортилась погода, а то уехал на экскурсию. А потом Гриша вдруг заявил, что кататься с ней не будет, «чтобы не давать повода для надежд».

Однажды Таня каталась с Наей, но далеко уплыть не удалось: крутились на одном месте, не зная, как справиться с управлением, да к тому же обе покрылись гусиной кожей от ветра и холода (на воде в сто раз холоднее, чем на суше!).

В экскурсиях пришлось разочароваться: они действительно за дополнительную плату, причём, немаленькую. Самый дорогой – двухдневный поход на водопад Учар – тот самый, который рекламировала женщина в автобусе, – стоит аж полторы тысячи с человека! Таня думала сначала вообще отказаться от любых экскурсий, но потом решила побывать на Серебряном источнике и Магнитных камнях за 700 рублей (почти все её деньги).

Гриша отправлялся на Учар – расставание на два дня. Туристы – и те, кто на Учар, и кто на источник – сели на яхту с опущенными парусами (эта яхта обычно стояла у берега перед столовой) и поплыли вперёд, а потом налево. Сошли на берег и забрались в крытый кузов грузовика, которым управлял алтаец-шофёр по кличке Шумахер. Он очень смешливый и не любил, когда его обгоняли, хотя обгонять-то здесь вроде некому. Он нёсся по бездорожью как угорелый, болтая и перетряхивая визжащих туристов.

От места возле кабины водителя доносился повествующий голос гида Владимира Петровича. Внезапно он отвлёкся и призвал взглянуть в окна:

– А вот вы видите остатки древнегреческих галер!

Туристы проезжали над бурным течением реки. А гид под «галерами» подразумевал вытянутые нагромождения из камней и палок на воде. Для чего-то эти нагромождения нужны и, конечно, они никакие не галеры и тем более не древнегреческие. Таня это поняла, но всё равно изумлённо переспросила:

– Неужели?! Правда, что ли?! А как сюда попали древние греки? Да вы шутите ведь!

Туристы посмеивались.

Серебряный источник разочаровал. Обычное озерцо – можно сказать, лужа, – местами сине-зелёное, со склизкими мшистыми камнями. Ещё перед поездкой Владимир Петрович сообщил, что в источнике много полезного серебра, и туристы заранее приготовили пластиковые бутылки. Теперь они наполняли бутылки грязной водой и тащили в машину – кто по две, а кто по три сразу. Может быть, этот источник такой же серебряный, как те палки на воде – галеры древних греков. Надо ведь как-то развлекать туристов! Хотя верить в чудо, в самом деле, хотелось.

Вероятно, именно с этим желанием – отыскать чудесное – Таня и блуждала неподалёку от источника. И нашла! Ей показалось, будто в траве блеснул золотой клубок нитей. Девушка замерла и вернулась на два шага назад. Даже успела подумать, что нашла древнее украшение, не попавшее пока в руки археологов. Обегав глазами траву, подняла камень – прохладный, зеленоватый, грязный с той стороны, которой был вдавлен в землю… В общем-то, обыкновенный! Таня сполоснула его в источнике – зелёные и золотисто-жёлтые цвета проявились ярче, округлые бока заблестели, посверкивали переплетённые восьмёрками золотые прожилки. Зелёный цвет неравномерный: где-то тёмный матовый, где-то почти изумрудный. Может, малахит?

– Посмотрите: он драгоценный? – спросила у Владимира Петровича.

Гид повертел в руках:

– Нет.

– Жалко!

– Зато очень красивый! – улыбнулся Владимир Петрович. – Вот у тебя теперь есть алтайский сувенир.

Таня вновь пригляделась к камню: почти высох, цвета поблекли, красив, пожалуй, только с одной стороны. Зато уютно лежит в ладони, руке приятно от его гладкой округлости. Наверное, и правда, стоит сохранить. Хотя великоват: в кармане носить неудобно. А вдруг обладает магическими свойствами? Ведь недаром находится рядом с Серебряным источником! В общем, выбрасывать не стала.

Снова поехали и остановились на вершине холма. Внизу расстилалась ярко-зелёная долина с небольшим синим озером, возле которого сидела дикая коза. Немного поднялись и оказались на Магнитных камнях – беловатых лепёшках, кое-где покрытых мхом. По словам Владимира Петровича, эти камни обладают положительным биополем, и алтайцы ходят сюда исцелять болезни и подзаряжаться энергией. Туристы сразу разлеглись на камнях, чтобы лучше «подзарядиться». Владимир Петрович посоветовал разуться – многие так и сделали. Вниз по склону росли жёлтые пушистые цветы с приятым медовым запахом, и летали чёрные бабочки. Таня гонялась за ними, чтобы вблизи рассмотреть крылья, но они не давались.

Экскурсия разнообразила пребывание на Алтае, но в остальные дни Таня не знала, чем заняться. Один раз довольно далеко зашла в ту сторону, где видела с катера заводь. Песок постепенно превратился в мелкие камешки, камешки – в булыжники, а булыжники – в огромные валуны, по которым Таня прыгала и карабкалась, следя за тем, чтобы не подвернуть и не поранить ногу. «Дойду до мыса, посмотрю, что там!» – подумала девушка, всматриваясь вдаль. За мысом оказался ещё один мыс, и, наверное, этому не будет ни конца ни края. Таня посидела на камне… Волны в этот день были особенно сильными: далеко накатывались на берег и с шумом ударялись об него. Когда волна отступала, на камнях, где она была, оставалась пена. Да, если не знать, то можно подумать, что это не озеро, а море. Под шум прибоя просыпаешься, под шум прибоя засыпаешь…

Снова гулять в одиночестве желания у Тани не возникало. Она много спала в домике, бродила по пляжу и сидела на корягах, думая о Грише. Иногда играли с Наей в теннис.

Ещё одним развлечением было поесть. Кормили хорошо, как в ресторане. По утрам – самое вкусное: печёные бутерброды с ветчиной, творожные лепёшки и сгущённое молоко. Обычно блюда сложные: например, в салате – яйца, капуста, перцы и креветки, а в манной каше – яблоки. Правда, надоело мясо! Его в разных видах подавали утром, днём и вечером: мясо, мясо, мясо… Ни фруктов, ни сока, ни сладостей, не считая лепёшек со сгущёнкой и сахара, который можно было положить в чай или кофе. Конечно, имелся бар, где соблазнительно лежал шоколад и стояли пакеты с соком, но цены на эти вкусности были уж очень высокие. Кстати, в баре те самые четыре загорелые девушки постоянно покупали коньяк.

Зина, женщина с веснушчатыми плечами, всегда беспокоилась, когда кто-нибудь отказывался от какого-то блюда. Сама ела всё, что предлагали. Она сидела как раз напротив Тани и, глядя на неё, причитала:

– Ты почему кашу не накладываешь? М-м-м! Вкуснятина! Я добавки возьму, – и она в самом деле поднималась за добавкой.

– А мясо? Ешь! Оно с ананасами! Ешь!

Однажды Таня пожаловалась Грише, что очень соскучилась по сладкому. Гриша улыбнулся и пообещал «помочь горю».

– Хочешь, угощу конфетами? Мне надавали в дорогу, а я не ем.

– Не ешь конфеты? Почему?

– Не люблю.

И он вынес целый мешок шоколадных «Ромашка», сливочных «Му-му» и ещё каких-то в полосатой обёртке. Вот благодаря этому и открылись некоторые странные обстоятельства!

Вечером в бунгало Таня не спеша поедала сладости, угостив, конечно, Наю. И заинтересовалась полосатым фантиком: такой она раньше не видела, к тому же он был красивый, с изображением корабликов, которые, казалось, нарисованы от руки акварелью. Таня прочитала состав конфеты, а потом адрес изготовителя: «Кондитерская фабрика „Мишуткин двор“, г. Оток (!), ул. Пустынная, 10».

– Боже мой! – закричала Таня.

– Ты чего? – Ная оторвалась от книги.

– Вот, смотри! – протянула фантик.

Она уже рассказывала Нае про библиотеку, Оток и эсэмэску.

– Что смотреть? – не понимала Ная.

– Прочитай адрес!

– Оток, улица Пус… Оток? Тот самый город?

– Да!

– Интересное совпадение, – Ная вернула фантик. – Только почему ты так разволновалась?

– Гриша говорил, что живёт в Москве и понятия не имеет об Отоке!

– А почему ты решила, что он обманул? Не все же вчитываются в эти мелкие буковки на фантиках. Тем более он не ест конфет.

Таня, приподнявшаяся перед этим, плюхнулась обратно на кровать и уставилась на Наю.

– Ты думаешь?.. Это что, отоковские конфеты так популярны, что продаются даже в Москве?

– А почему нет? Не одни же московские конфеты едят москвичи. Поговори с Гришей, что он тебе скажет.

Утром Таня нетерпеливо умылась, прыгая на месте, отбегая от умывальников и вновь подбегая, чтобы не приставали комары. Гриша раньше неё почистил зубы и ушёл. В столовой Таня то и дело вскидывала голову: здесь он ещё или нет? Подскочила, как только Гриша направился к выходу, догнала и с ходу попросила, протягивая полосатый фантик:

– Прочитай, пожалуйста!

– Что? «Мечта».

– Нет, адрес!

Таня заметила: Гришина улыбка дрогнула! Он мельком взглянул на буквы и уже вовсе без улыбки прямо посмотрел на Таню.

– Что? – голос прозвучал непривычно жёстко.

– Оток, куда я собираюсь переезжать! Ты живёшь в Отоке?

– Тебя заклинило? Я живу в Москве!

Таня растерянно смотрела ему вслед. Глупо получилось! Хотя с чего он взял, что её «заклинило»? Разве она когда-нибудь спрашивала об этом?

После обеда Гриша сам подошёл, когда она сидела на бревне и пыталась рисовать озеро.

– Я хочу поговорить с тобой… Я ведь и правда живу в Отоке. Только об этом, кроме тебя, никто не должен знать!

– Почему?

– Потому что Оток – не просто закрытый, это секретный город.

– Но ведь он уже открытый!

– Кто тебе наболтал? Директор в библиотеке? Да что ей может быть известно! Я хочу предупредить, раз уж ты туда собралась – честно говоря, по непонятным мне причинам…

Таня перебила:

– В Отоке требуются библиотекари с филологическим образованием, а своих специалистов нет, поэтому приглашают из других городов! Оток становится открытым! И то, что отоковчане переходят на стандартное обучение в школах и вузах, – тоже признак открытости! Раньше

ведь их обучали только по специфической, чисто отоковской, программе. И причины понятные, почему я туда еду. Буду там работать! – Таня сверкала глазами, высоко подняв голову.

– Ты меня, наконец, выслушаешь? Или и так всё знаешь? – спросил Гриша.

Таня покраснела.

– Нет, я хочу тебя послушать…

– Оток – секретный город. Любого постороннего спроси, он ничего не сможет о нём сказать. И ты никому не говори!

– Меня что, посадят за это? – улыбнулась Таня.

– И посадят! Так что ничего смешного.

– Да никто даже и не слышит, о чём мы сейчас разговариваем!

– Не обольщайся, слышат! Я хочу предупредить, что не так-то просто тебе придётся, если ты там поселишься. Поэтому сто раз подумай, прежде чем принимать решение. Отоковчанам не разрешается запросто покидать город. Нужно специальное разрешение губернатора на любой выезд за пределы.

– Но ты ведь как-то выехал! – Таня продолжала улыбаться.

– Я получил разрешение на время отпуска. Причём, мне дают это разрешение только один раз в год. А тебе и вовсе могут отказать!

– Как это? – насторожилась Таня.

– Ты новый человек, непроверенный… Хотя не знаю, ты ведь наверняка будешь жить на Окраине, а не в Центре, и требования к тебе, возможно, будут мягче. Я-то живу в Центре.

– И в чём разница между окраиной и центром? Только в центре можно выведать все секреты?

– Ты собираешься выведывать?

– Нет, это шутка! В чём разница?

– Об этом лучше не шути! А разница есть. Короче, я тебя предупредил, – он хотел удалиться, но Таня остановила:

– Ты в тот раз не дослушал меня, а я хотела рассказать кое о чём.

– В какой «тот раз»?

– Ну, в тот, когда был вечер. В библиотеке я получила странную эсэмэску, причём до того, как нам объявили об Отоке. Когда пришла эсэмэска, я вообще ещё ничего не знала! Если хочешь, покажу её, она имеет прямое отношение к Отоку.

– Покажи!

– Я сейчас, за сотовым!

Таня вскарабкалась по склону и побежала в домик, а Гриша сел на бревно и прищурился в даль озера. Когда Таня показала эсэмэску, он долго разглядывал её: Тане показалось, смотрит на номер телефона.

– Не знаю, кто тебя может ждать, – сказал он. – Глупость какая-то!

– В нашем городе нет такого номера, так что я не обманываю! А ты не знаешь, что это за номер?

– Нет, откуда мне знать! Ты действительно собираешься переезжать в Оток?

– Ну да, наверное… Правда, ты меня запугал, и я уже сомневаюсь.

– Подумай! – кивнул Гриша. – Я не просто так говорю.

– Слушай, а может, ты дашь мне свой домашний адрес? Или телефон? Если приеду, то мне будет кому позвонить, а то я там никого не знаю…

– А тебя вроде знают? Хорошо, обменяемся номерами. Запиши мой сотовый и позвони – у меня определится твой номер.

– Ага, записываю!

– 11 617 255 1718 33.

– Ой, как много цифр!

– Ладно. Лучше не распространяйся об Отоке направо и налево! – и Гриша удалился.

«Ой-ой! Какие важные! – Таня скривила лицо, глядя вслед на его широкую шею. – Прямо не город, а сплошная военная тайна! Только меня вообще это всё не волнует, и никто с меня клятв не брал!» Она решительно отвернулась к озеру, но невольно передёрнула плечами: «А вдруг правда за мной сейчас наблюдают и всё подслушивают? И, может, даже читают мысли?»

Постепенно мысль отказаться от переезда выходила на первый план.

До конца пребывания на базе из отведенных восьми дней оставался последний. Ная отправилась в летний душ, а Таня лежала на кровати и думала о Грише. Их отношения оставались неопределёнными, а ведь скоро они разъедутся, и что-то надо делать! Нравится ли она ему? Хочет ли он сблизиться? По поведению не поймёшь: сказал, что «вряд ли» полюбит, но сомневался; говорил, что Таня интересная, с ней интересно общаться. Улыбается и смущается в её присутствии – по крайней мере, так Тане кажется. Надо срочно выяснить этот момент! Пусть напрямую скажет, что он о ней думает!

Таня покинула домик, прошлась до столовой и обратно, но ни на пляже, ни в открытом помещении для тенниса и бильярда Гришу не нашла. Тогда отправила ему эсэмэску: «Нам надо обязательно поговорить! Мне тяжела неопределённость».

– Что ты хочешь услышать? – позвонил он через три минуты.

– Хочу, чтобы ты откровенно сказал, что ты думаешь обо мне и наших отношениях.

– Я могу сказать сейчас.

– Нет! Лучше с глазу на глаз! Я хочу, чтобы ты сказал правду, потому что с правдой мне будет намного легче, чем теперь.

– Хорошо, поговорим после ужина.

– А ты сейчас где?

– Я занят. До встречи!

До ужина ещё много времени. Что же он скажет? Его голос по телефону был бодрым, даже, наверное, весёлым… Хотя он так резко произнёс: «Могу сказать прямо сейчас». Таня взяла «Анну Каренину» и загадала вопрос: «Как настроен Гриша по отношению ко мне?» Открыла и прочитала: «Прикажите ещё поворот сделать. Всего три ступеньки прибавить. И пригоним в самый раз. Много покойнее будет». Да-а… Как тут интерпретировать?.. То есть он настроен расставить все точки над и, чтобы мне и ему самому было спокойнее?

Но как же он ко мне сейчас относится? Таня вновь открыла книгу: «Трава была низкая, придорожная, и Левин, давно не косивший и смущённый обращёнными на себя взглядами, в первые минуты косил дурно, хотя и махал сильно». «Что за чушь! – злилась Таня. – Так… Значит, сначала Гриша косил, косил под дурака, то есть держался на расстоянии, потому что смущался моего внимания. А теперь он уже не косой? „Махал сильно“, то есть сильные чувства?» Таня ещё раз внимательно перечитала и вдруг поняла, что в книге имеется в виду не то, что Левин коси́т глазами, а то, что он ко́сит траву! Тут она окончательно запуталась в интерпретациях.

Чтобы как-то сократить время, Таня вздремнула, а потом вышла на воздух. Думала нарисовать бунгало с вывешенными Наей полотенцем и мочалкой, но не нашла, где пристроиться. Тогда села на бревно внизу у озера и стала рисовать береговую линию, яхту без парусов, баню и изгиб горы за деревьями.

В восемь часов прозвучал колокол. В столовую неторопливо стекались отдыхающие. Появился и Гриша. Он не смотрел на Таню, наполнил тарелку супом и сел на обычное место. Таня съела салат с курицей, гречку и заставила себя разжевать половину отбивной, ведь та была вкусной. Внезапно вынесли огромный торт, украшенный персиками и апельсинами, и Таня очень пожалела, что так наелась, тем более мясом. Ну наконец-то дали сладкое! Только почему

без предупреждения и почему поздно вечером перед самым сном? Таня не смогла отказаться от куска… Гриша подошел и сказал, что будет в бильярдной.

Съев торт и оборачиваясь на поднос, где оставалось ещё очень много и валялись крошки, пропитанные сгущёнкой, Таня вытерла салфеткой руки и вышла в вечернюю темноту. Прохладно. От беседки, где размещались теннис и бильярд, лился свет. Гриша на пару с другим парнем стучал шариком по теннисному столу. Таня дрожала, голова как в огне! Вошла и окликнула Гришу.

Спустились к озеру. Таня без конца отмахивалась от комаров. Гриша выразил сожаление, что некуда от них спрятаться, а потом предложил зажечь зелёную спиральку, которой пользовались туристы: зажигали в столовой во время еды и в домиках перед сном; от тлеющего конца поднимался дым, который отпугивал комаров. Гриша сходил за спиралькой, они сели на берегу и установили её на песке. Заалел огонёк, донёсся специфический запах. Говорят, вредно дышать этим дымом, но на воздухе, наверное, не так опасно.

Сначала говорила Таня – много, горячо. Описывала своё внутреннее состояние. Потом в ожидании повернулась к Грише:

– А ты что чувствуешь? Я тебе нравлюсь?

Гриша прямо посмотрел на неё: в темноте нельзя было разглядеть лицо, но девушка почувствовала жёсткость Гришиного намерения.

– Ты не в моём вкусе.

– Почему? – спросила Таня бодрым голосом. – Что именно тебя во мне отталкивает?

Гриша задумался.

– Слабость какая-то, – невольным жестом он изобразил Танины опущенные плечи.

– Понятно… Тебе больше нравятся спортивные, крепкие девушки? Тебе нравится, чтобы девушка была лидером?

– Дело не в этом… Я вообще никогда никого не любил и не люблю! Любовь – это привязанность. А я выбираю другой путь – исследование!

– Но ведь любовь не мешает исследованию!

– Как раз мешает.

– Когда люди любят, для них мир открывается по-новому! Они радуются, им хорошо, поэтому они более внимательны к окружающему. Об этом везде написано: любящие замечают зелёные листочки, пение птиц, для них мир – тайна! Они познают друг друга! А как ты хорошо узнаешь другого человека, если не будешь любить и останешься одиноким? По-моему, ты сильно сужаешь свои исследовательские горизонты, туда много чего не попадает!

– Птиц и листочки я замечаю, – возразил Гриша, выслушав Таню до конца. – И мир – это тайна, а любовь заклинивает на одном человеке.

– Так ты не любил свою жену?

– Конечно, не любил! – голос прозвучал резко.

– А с девушками встречаешься?

– Да. Мы хорошо проводим время, но я не люблю их и, само собой, не собираюсь ни на одной жениться.

– Они знают об этом?

– Я не скрываю. (Тане показалось, что он немного улыбается.) Каждый выбирает своё!

Ей стало неприятно. Волшебный флёр спал, и под ним оказался разнеженный эгоист, унижающий женщин. Эгоист, влюблённый в пустые навороченные идеи! Таня нисколько не поверила ему! Не полная же она дура, чтобы этот нарочито жёсткий тон принять за истину! Фу! Надел маску и думает, будто удалось спрятаться!

Таня встала и, перед тем как уйти, насмешливо произнесла:

– Ну понятно! Спасибо за откровенность, узнала много новенького! И правда, теперь намного легче. Пока!

…Но на следующий день, когда упаковывали вещи и отплывали на катере, Таня украдкой смотрела на Гришу и вздыхала: «Нет, не в силах я тебя разлюбить!» Наверное, это и есть настоящая любовь? Когда никакие препятствия не могут помешать?

На катере под ярким тёплым солнцем неистово дул ветер. Таня продрогла в пуховике и пряталась в трюме. Там, куда плыли, синели тучи и стояли смазанные косые полосы дождя. Вот и берег. Пасмурно. Туристов ждал знакомый автобус, который весь вечер и всю ночь будет везти обратно до Новосибирска. Через окно автобуса Таня видела, как у озера под дождём местные мальчишки продавали кедровые шишки и деревянные ложки.

На Новосибирском вокзале Ная купила билеты на поезд, и, пока не подошло время, девушки съели по шоколадному батончику и мороженому. Таня больше молчала, с грустью глядя в пустоту перед собой. Иногда сжималось место в области желудка. Ещё несколько дней это ощущение будет продолжаться. Таня подумает: «Возможно, открывается чакра, и я становлюсь другим человеком. Ведь не даром со мной происходит столько новых событий!» Но у мамы будет иная версия: «Скорее всего, отравилась мясом! Вы его ели в таких количествах – вряд ли без вреда для организма!»

Глава 3

Главный советчик – гадалка

Таня дома. До конца отпуска осталась неделя и четыре дня – достаточно, чтобы пока ни о чём не беспокоиться. Таня занималась тем, что пережёвывала алтайские воспоминания и с утра до вечера смотрела телевизор: реалити-шоу, певцов, разные развлекательные передачи, где кто-то с кем-то соревнуется. Иногда садилась на балконе на низенький старый стульчик и, положив на колено доску с прикреплённым листом формата А4, выводила волосы и глаза Гарри Поттера, а затем яростно стирала резинкой. Склоняясь над рисунком, она то и дело встряхивала головой и с усилием размыкала веки. Потом откидывалась и надолго отвлекалась на облака и мутный помидорный свет, которым была облита серая кирпичная стена дома. Не то, чтобы хотелось спать (Таня и так часто дремала на диване или кровати), – просто ничего не хотелось делать. И время от времени к сердцу подкрадывалось беспокойство.

После Гришиного предупреждения Таня задержалась на мысли: пусть всё остаётся как есть, в Оток не поеду! Но одолевали сомнения, и никак не удавалось решить окончательно. Пока Таня не говорила родителям, и те продолжали думать, что она едет. А признаться в сомнениях, передать разговор с Гришей, вызвать подозрения, что Оток – странный и опасный город, – так действительно можно закрыть туда дорогу, навсегда! Родители уже не отпустят, будут переживать. А вдруг переживать не из-за чего? Вдруг Гриша специально так сказал, лишь бы Таня не поехала? Боится, что она начнёт донимать его в Отоке. Всё-таки он эгоист, этот Гриша!

Таня поделилась с сестрой Верой. Та заявила, что Гриша сумасшедший, и его страшилки про Оток – чушь!

– Мне вообще по твоему описанию и по фото он не понравился! – Вера стояла у окна с чашкой кофе, перекрестив ноги и покачиваясь (вообще говоря, она постоянно находилась в каком-то неосознанном движении; например, когда сидела, то дёргала ногой, перекинутой на колено, и вращала ступнёй – это раздражало Таню). – Не понимаю, чем он тебя привлёк! Какой-то мелкий…

– При чём тут рост?

– Руки трясутся.

– Может, он болеет!

– Ну и что хорошего? Больной… А потом, тебе не показалось, что он самовлюблённый? Как будто есть чем гордиться!

– Может, он многого достиг в жизни.

– А чего достиг? Кем работает?

– Не знаю. Кажется, не говорил.

– По-моему, он закомплексованный, поэтому разошёлся с женой! Мне и по фотографии показалось, что закомплексованный. Не в моём вкусе! У меня есть одно мнение, только ты обидишься, если скажу.

– Какое мнение? Не обижусь, ведь это твоя точка зрения, субъективная.

– По-моему, он птица невысокого полёта!

– Что это значит?

– Ну… невысокого полёта… Вот он что-то имеет, и большего ему не надо. Не станет стремиться. Такие люди всю жизнь работают на одном месте, получают среднюю зарплату и довольствуются этим.

– Слушай! Ты его совсем не знаешь, а уже делаешь какие-то умозаключения! – разозлилась Таня. – На чём основаны твои мнения? Ни на чём!

– Я могу сказать, на чём!

– Да ни на чём! Ты его не видела, не слышала и совсем не знаешь!

– Я видела фото, а по внешности можно что-то определить. Предупреждала же, что обидишься…

– Я не обиделась! Меня просто возмущает, когда ты, ничего не зная и не разобравшись, делаешь глубокомысленные выводы!

– Ну и вообще не стоило тогда говорить на эту тему! Зачем только просила высказать мнение?!

Сёстры распалились, раскричались – этим закончилась первая Танина попытка разобраться в своих сомнениях. Но попыток она не оставит, тем более мама сказала, что берёт отпуск в сентябре и собирается ехать в Оток вместе с ней, на три дня. Надо было срочно принимать решение! Да и директор Галина Викторовна на неё рассчитывает.

За советом обратилась к близкой подруге Насте, работающей школьной учительницей. Хотя её реакцию легко было предвидеть: Настя – девушка религиозная, придерживается строгих правил. Резкие перемены, тем более в сторону полной неизвестности, должны её пугать… Но, возможно, Таня спешит с выводами наподобие Веры.

С Настей она пять лет училась в одной группе в университете, а познакомились ещё во время вступительных экзаменов, когда никто не знал, поступит он или нет. Тогда Таня сразу обратила внимание на эту невысокую задумчивую девушку с тонкими, почти детскими, чертами лица. Очень нежная бледная кожа, круглые щёки, строго сомкнутые губы и большие голубые глаза – чем-то она напомнила Танину маму в детстве. Таня не раздумывая взяла инициативу по знакомству в свои руки: при первой же возможности напала на девушку с ворохом вопросов, касающихся её интересов, взглядов на жизнь; таскала на вечерние прогулки по городу, полные длительных серьёзных бесед. Хотелось как можно скорее добиться настоящей крепкой дружбы!

Только Настя не разделяла Таниной спешки. Жёсткий напор её испугал, и она, в конце концов, стала избегать общения с новоявленной подругой: за парту садилась не с ней и всегда была молчаливой и сосредоточенной внутри себя. Лишь спустя время между девушками завязались спокойные дружеские отношения.

Особенно на первых курсах Настя строго придерживалась церковных обрядов: посещала службы, причащалась, исповедовалась, постами доводила себя до физической слабости. А ещё пела в церковном хоре. Однажды Таня услышала, как она поёт, правда, не церковную песню, а романс. Обычно голос подруги тонкий и тихий – можно подумать, что говорит маленькая девочка. Но во время пения голос неожиданно изменился – стал низким и громким; Таня даже вздрогнула, когда подруга в день своего рождения, сев за пианино, запела. Таня долго с удивлением смотрела на неё, пытаясь настроить уши на спокойное слушание, но те с непривычки почти не замечали красоты переливов.

Настя приобщилась к церкви, когда училась в девятом классе. Что потянуло её туда? Наверное, одиночество. Бог для неё – немного личность, похож на заботливого, любящего папу. Под высокими сводами среди икон и свечей Настю наполнял покой, которого обычно не хватало. Но одиночество никуда не исчезло, а из года в год становилось всё сильнее. Общение с верующими, к сожалению, было поверхностным и натянутым. Настю неизменно брали за ручку, близко и сладко смотрели из-под платка и причитали: «Ах, ах! Настенька! Боженька с нами!» А если хотелось спросить о чём-нибудь, поговорить, то, надев на лицо богомольную строгую маску, ей отвечали исключительно правильными фразами, позаимствованными у священников и из Библии. Настя плотно смыкала губы, опускала глаза, и никто не замечал ни досады, ни раздражения, обуревающих её в этот момент.

В поисках общения Настя, сама православная, посетила два собрания протестантов. Обстановка там была более непринуждённой, но пришлось убедиться, что внешние теплота и открытость – это только поверхность, а по сути у протестантов то же, что у православных. Зато там Настя подружилась с несколькими парнями и девушками, и в голову пришла хорошая идея – организовать у себя дома регулярные встречи верующих. Так возникла группа молодых людей, протестантов и православных.

Собирались по субботам, молились и обсуждали какие-то моменты из Библии. А потом Настя придумала посвящать вторую половину времени более близкому общению: стали говорить о понравившихся книгах, зачитывали свои стихи, играли. Эта вторая часть понравилась не всем: трое самых замкнутых покинули группу. Возникли и другие трения. Настю всё больше раздражало, что каждую встречу ей приходилось запасаться вареньем и пряниками и поить всех чаем, а из приходящих никто не догадывался купить по дороге что-то из еды.

Новую жизнь группе дал Настин папа – тоже человек религиозный. Он привёл в дом верующих из числа своих знакомых, и теперь два раза в неделю их стало собираться 17 человек. Поскольку 17 человек – уже не просто группа, а целая община, изменились и правила собраний. Оформили устав, по которому определялось, в какой день молиться, в какой причащаться и так далее. Этот устав, обязанность регулярно присутствовать на собраниях, даже если хотелось просто отдохнуть в одиночестве, а ещё обязанность после собраний мыть горы посуды и подтирать натоптанные полы сильно утомляли Настю, да и Настину маму. Каждую неделю по субботам и воскресеньям наваливала толпа народу и грубо отбирала всё личное пространство в доме: люди хозяйничали в комнатах, сваливали свои вещи, навязывали разговоры; бывшая протестантка (теперь православная) Ира приносила грудного ребёнка, укладывала на кровати в Настиной комнате и требовала, чтобы вели себя тише…

Об этом Настя и Таня не раз говорили по телефону, и Настя услышала уже множество комментариев и советов. Только подругам трудно было понять друг друга.

Давно уже они не виделись и решили встретиться в центре города у фонтана. Таня хотела получить совет по поводу Отока и рассказать об отдыхе на Алтае, а Настя собиралась поделиться душевной сумятицей, вызванной общением с неким Сашей, и ещё пожаловаться на трудности учительской жизни.

Подходя к месту встречи, Таня издали увидела подругу: девушка стояла в строгой юбке у клумбы, засаженной ослепительно яркими красными и жёлтыми цветами, и скучающе вертела головой. Таня весело помахала, мысленно отметив, какая всё-таки женственная, округлая и крепкая, фигура у Насти – и ведь это совсем не вязалось с частым Настиным унынием и уходами на больничный в связи с затянувшимися на месяцы простудами.

Погода солнечная и жаркая, а от фонтана веет живительной свежестью. В непрерывном шуме воды перемешиваются людской говор и смех. Подруги немного постояли у высокого гранитного бордюра: Настя задумчиво смотрела в зелёный бассейн, а Таня любовалась гигантскими белыми струями, бросающими с высоты крупные брызги и комья пены. Иногда струи поднимались очень высоко, и тогда люди с подветренной стороны взвизгивали, кто-то отскакивал в сторону, а кто-то продолжал стоять и с удовольствием мокнуть. Дети ходили по бордюру, не боясь поскользнуться.

Подруги купили в ближайшем киоске по мороженому и сели на скамейку.

Рядом со скамейками вокруг большого фонтана сверкали жёлтой бронзой чаши в виде лилий, а в них пышно раскручивались фонтанчики поменьше. Девочка двух или трёх лет в розовой футболке, прилипшей к телу, перебегала от лилии к лилии и с лицом, полным абсолютного счастья, подставляла ручки под воду: наверное, хотела искупаться в каждой, не пропустив ни одной.

Туманно глядя на девочку широко открытыми сверкающими глазами, Таня громко рассказывала, как получила эсэмэску и как директор собрала девчонок-библиотекарей у себя

в кабинете и предложила работать в Отоке. Потом подруги поднялись и побрели вверх по главной улице, а Таня начала рассказ об Алтае и Грише. Иногда Настя бросала на подругу молчаливый сосредоточенный взгляд, но не вмешивалась в повествование.

– О, кстати! – внезапно прервала себя Таня и остановилась, подняв голову на треугольный фронтон[3] Университета радиоэлектроники (бывшего Политехнического). – Томск – красивый город, правда?

Под фронтоном на высоту всех четырёх этажей стоят шесть массивных полуколонн песочного цвета.

– Да, – согласилась подруга. – Но мне наш ТГУ милее. А это здание уж очень суровое.

Через дорогу напротив – другой фонтан, облепленный отдыхающими. Круглый; тонкие водяные струи поднимаются, образуя шатёр, а над шатром выступает брызжущий стержень, как цветок одуванчика. Но девушки не стали переходить дорогу и двинулись дальше.

– Скажи, стоит ли мне переезжать? – наконец спросила Таня.

Они уже дошли до родного университета, белый праздничный корпус которого скрывался за решётчатой оградой и деревьями. Вдоль тротуара гостеприимно светлели скамейки, и девушки присели отдохнуть.

– Стоит?

– Конечно, нет! – сказала Настя, будто удивляясь вопросу.

– Почему? – Таня слегка нахмурилась.

– Гриша ведь тебя предупредил, – просто ответила Настя.

– Он мог сказать так специально, чтобы отделаться от меня. А вдруг в Отоке я попытаюсь с ним встретиться? Помешаю ему наслаждаться жизнью с многочисленными подружками!

– Если бы он действительно хотел отделаться, то не давал бы номер своего сотового.

– Правда… А может, он уже жалеет, что дал? Сделал это, не подумав.

– Тань, зачем ты цепляешься за этого Гришу?

– Разве я цепляюсь? Что-то не заметила! Он эгоистичный и самовлюблённый и совсем мне уже не нравится! Просто обидно, как он себя повёл. Как-то грубо.

– Мне кажется, ты его и не любила.

– Почему «не любила»?! – вспылила Таня и всё-таки задумалась. – У меня были очень искренние, трепетные и тёплые чувства. Ведь я готова была лелеять его, как цветочек, чуть ли не на руках носить! Я очень переживала, испытывала настоящие душевные страдания.

Настя пожала плечами и осторожно повторила:

– Когда ты рассказывала, я, если честно, не почувствовала никакой любви.

– Но почему, объясни!

– Мне иногда кажется, что ты как компьютер, не обижайся. Я больше тебе верю, когда ты выражаешь гнев или возмущение, чем тёплые и мягкие чувства. Гнев для тебя как-то более естественен, что ли… Твоё чувство к Грише мне показалось ненастоящим.

– Но страдала-то я по-настоящему!

– Страдала… Но разве любила? Ты вела себя как по какой-то теории, которую проверяла в жизни.

Подруги помолчали.

– Это ты к тому, что я через книгу пыталась получить информацию свыше? А потом мне хотелось, чтобы «информация» сбылась. И я придумывала, что она сбывается… Не замечала реальности! Хотя с самого начала было видно, что Гриша ничего ко мне не испытывает, – Таня чувствовала, что близка к озарению.

– Пойдём к Лагерному саду! – позвала Настя, и, поднявшись, они пошли дальше вдоль проспекта.

---

[3] Фронтон – треугольный элемент крыши, ограниченный двумя скатами по бокам и карнизом у основания.

Лагерный сад – это место в самом начале главной улицы на высоком обрывистом берегу реки. Там на постаменте, к которому всё выше и выше поднимаются широкие ступени, стоит 18-метровый монумент из двух тёмных фигур: мать передаёт ружьё сыну. У их ног горит Вечный огонь. Поскольку улица, ведущая к монументу, прямая и с подъёмом в гору, памятник виден издалека. Таня с Настей тоже, конечно, видели бы его, если бы не кроны тополей. От университета до Лагерного сада идти четыре остановки.

Когда шагали мимо Научной библиотеки ТГУ, Таня вновь восхищённо замерла, призывая и Настю оценить красоту архитектурного творения.

– Мне кажется, что когда-нибудь я нарисую самые интересные томские места! – пообещала Таня, но спохватилась. – Хотя, конечно, больше мне нравится рисовать что-нибудь сказочное.

Корпус библиотеки старый, построен в начале XX века. После реставрации выглядит нарядно: на втором этаже горят белизной невысокие полуколонны, украшенные лепниной на основаниях; сияет голубым окантовка карниза и окон (строенных, сдвоенных, прямоугольных и арочных). Стены над голубым цокольным этажом отделаны шершавым серо-голубым рустом, напоминающим шубу.

А вот стеклянная галерея – перекинута, как мост, над дорогой, уводящей от проспекта ко второму корпусу университета. Галерея соединяет старое здание библиотеки с новым. Таня помнит, как в студенческие годы ей часто приходилось шагать по этому полупрозрачному подвешенному коридору, чтобы попасть в неуютный холодный читальный зал. И когда шла (почему-то всегда быстро и всегда без остановок, повернув голову на витраж галереи), навстречу текли свежие воздушные струи и слегка развевали волосы и юбку.

– Ты как будто уже прощаешься с Томском, – заметила Настя.

– Наверное! – вздохнула Таня.

– Скажи честно, ты в Оток хочешь из-за Гриши?

– Ты что?! Вовсе не из-за Гриши! С чего ты взяла? И вообще, я пока не уверена, что хочу в Оток. Есть, конечно, свои плюсы…

– Какие?

– Квартира, жить самостоятельно отдельно от родителей.

– Да, это плюсы. Но лучше тебе хорошенько подумать!

– Почему ты так категорично против Отока?

– А разве не чувствуешь, как от всего этого жутко? Сначала непонятная эсэмэска, потом Гриша, тоже какой-то странный. Сам город… От всего этого веет чем-то дьявольским, если ты понимаешь…

– А-а! – Таня кивнула, словно говоря себе: «Я ведь предвидела её реакцию».

– Ты не устала идти? – спросила, когда, дождавшись зелёного светофора, они пересекли улицу.

– Если честно, то да!

Солнечные лучи тяжело лежали на бледном асфальте и величественных зданиях. Густая зелень ворочалась и горела серебром. Непрерывно шумели машины. Люди с искривлёнными лицами в сияющих майках, футболках и сарафанах по-деловому проходили мимо и не улыбались.

– А мне туфли натирают, – призналась Таня. – Только тут сидеть негде. Давай дойдём и там, в саду, присядем.

И напомнила:

– Теперь твоя очередь рассказывать!

– Ты пить хочешь? – спросила Настя, оборачиваясь на цистерну с квасом.

– Нет, – Таня решила сэкономить: и так потратилась на дорогое мороженое!

– Давай один на двоих!

Таня пожала плечами:

– Ты пей, я не буду.

Настя отпила половину и протянула гнущийся стакан подруге:

– Больше не хочу.

Таня проглотила остаток кваса и полезла в сумку за деньгами.

– Нет-нет, Таня! Что ты! Я угощаю.

Наконец, достигли Лагерного сада. Из колонок, затихая и нарастая вновь, донеслось протяжное хоровое пение. Дорога, выложенная мелкой плиткой, разделена прямоугольной цветочной клумбой, а с двух сторон от дороги – гранитные полированные стелы с бесчисленными фамилиями воинов-томичей, погибших в Великую Отечественную войну. За стелами густо зеленеют сосны и берёзы.

Девушки углубились в рощу, куда не долетает траурная музыка, и с облегчением уселись на свободную скамейку. Здесь Настя поделилась историей про Сашу. Он тоже верующий, пришёл однажды в Настину группу и с тех пор часто появляется у неё дома. Познакомился с родителями, беседует с ними, сидя на кухне за чашкой чая, водит Настю гулять на природу и по городу. Он видит в Насте образец жены-христианки – кроткой, хозяйственной – и мечтает создать с ней идеальную православную семью, где соблюдались бы все патриархальные традиции, одобряемые церковью. Настю Саша тяготит и раздражает, но она никак не поймёт, как ей поступить. Во время встреч и прогулок она молчит и отворачивается, но Саша, похоже, этого не замечает. Более того, посторонняя помощь в подержании разговора ему бы даже помешала! Он сам отлично справляется: говорит-говорит… о своих взглядах, церкви, работе, планах на их будущую совместную жизнь.

– Да почему же ты ему прямо не скажешь?! – удивилась Таня. – Он тебе хоть немного нравится?

– Он хороший человек, добрый.

– Тебе с ним интересно?

– Да… вроде бы. Я покажу тебе фотографии нашей прогулки за городом! Саша очень обходительный, даже галантный.

– Но ты же противоречишь сама себе! – возмутилась Таня. – Сначала говоришь, что он тебя раздражает…

– Я не могу разобраться сама в себе, – перебила Настя. – Но я не хочу за него замуж.

– Ты уверена?

– Абсолютно точно! Он меня слишком идеализирует. Я совсем не та, как он себе представляет. Его ждёт жестокое разочарование.

– Так ты ему покажи, что ты «не та»! Расскажи о себе всё как есть!

– Уже рассказывала, – вздохнула Настя и описала довольно неприятный разговор с Сашей, произошедший на днях. – Выложила ему все мои недостатки: какая я бываю резкая, грубая и злая, как я ссорюсь с папой и перечу бабушке. Открыла очень неприглядную картину!

– И что он?

– Молчал. Сидел так хмуро, на меня не смотрел. А потом резко ушёл, я его даже не провожала. Думала, больше не придёт, а он пришёл на следующий день и давай читать нотацию!

– Нотацию?! – Таня чуть не захлебнулась от негодования. – Он считает себя вправе отчитывать тебя?!

Настя тяжело вздохнула.

– Пойдём уже потихоньку к остановке, – предложила она, поднимаясь.

– Но, Настя, что за нотация? Что он говорил?

– Да! – подруга махнула рукой.

– Слушай, так может, к лучшему? Он больше не придёт? – Таня с вопрошающей улыбкой посмотрела на подругу.

– Не думаю! Он уже звонил сегодня.

Так Настя и не рассказала о своей школьной работе и охватившем её разочаровании: всегда мечтала быть учителем, воображала, какие будут милые дети и как она будет применять к ним творческий подход – в точности как преподавали на лекциях по педагогике в университете. Но иллюзии разбились! Этим она не успела поделиться с подругой, да и достаточно было на сегодня. Серьёзные разговоры утомили её, даже голова кружилась и побаливала.

По пути к остановке Таня без устали убеждала Настю быть более решительной и жёсткой. Пусть даже в грубой форме, но сказать Саше как есть, что замуж за него не собирается и пусть он от неё отстанет!

– Ты, наверное, не дала ему как следует понять, что не такая уж ты образцовая христианка, – Таня вопросительно обернулась на подругу, но та уже спешила к автобусу.

– Пока, Танечка! – Настя чмокнула в щёку и подошла к дверям.

Потом улыбнулась через окно салона и помахала.

Таня боролась с искушением снять туфли: мучила боль натёртых пальцев! Особенно больно было, когда вставала со скамейки в саду, и потом, когда встала, чтобы выйти из автобуса.

Недалеко от дома случилась ещё одна встреча – с хозяином парикмахерской. Это энергичный мужчина с щёткой усов под носом и жизнерадостной улыбкой на загорелом лице. Они познакомились несколько месяцев назад, хотя Таня не посещает парикмахерские. Просто как-то мокрым весенним днём он вдруг заговорил с ней на улице. Сказал, что у неё унылый и отсутствующий вид и что так она пропустит всех возможных женихов. Таня тогда на него сильно обиделась, тем более он откуда-то догадался, что у неё нет «женихов», причём говорил таким тоном, будто само собой разумеется: у такой девушки, как Таня, никого нет и быть не может!

– Я не унылая, а просто задумалась! – стала оправдываться Таня. – И я вполне привлекательна, чтобы меня замечали.

– Возможно, ты привлекательна, только тщательно скрываешь! Вот лично я бы не подошёл к тебе знакомиться, если б хотел общаться с приятной девушкой. Посмотрел бы на твоё лицо, и весь порыв бы внутри пропал! Не обижайся, я говорю, что вижу! А вижу, что ты ничего в жизни не добилась и вряд ли добьёшься, если будешь продолжать вести себя как серая мышка! Как тебя зовут?

– Таня, – с трудом проговорила она, сглатывая комок.

– А меня Алексей. Будь активней, Таня, и не вешай нос!

Услышать грубость от постороннего мужчины для Тани было потрясением. Но почему-то она чувствовала, что он сделал это не с целью оскорбить её, а чтобы помочь. Поэтому в ней не возникло злости к нему лично, а после глубоких размышлений, придя к выводу, что в чём-то Алексей прав, она испытывала к нему даже благодарность.

Изредка они встречались на улице и приветливо улыбались: он – широко, сверкая всеми зубами и топорща усы, а она робко, но с чувством удовлетворённости, что всё-таки не шла в этот раз с «отсутствующим видом» и заметила его.

А сегодня, возвращаясь после прогулки с Настей, увидела, что Алексей призывно махнул ей с порога своей парикмахерской. Успев подумать: «Лучше бы обошла парикмахерскую стороной!» – прихрамывая, приблизилась.

– Как дела? Смотрю: загорела, похорошела! Ездила на юг?

– На Алтай.

– О! Алтай – замечательное место. Бывал там много раз! («И, конечно, взбирался на Белуху», – мысленно продолжила Таня: ей показалось, что как раз Алексей запросто решился бы вскарабкаться на самую высокую гору Алтая – снежную, ледяную, скованную колючими ветрами.)

Разговаривать не хотелось, но, когда Алексей спросил: «Где сейчас работаешь?» – Таня, словно очнувшись, охотно ответила:

– В библиотеке. Но, знаете, возможно, скоро я перееду в другой город и буду работать там, тоже в библиотеке. Предложили переехать, квартира предоставляется. Только я не знаю… Хотела бы с вами посоветоваться! Вы слышали о городе под названием Оток?

– Нет. А ведь это прекрасная возможность! – он сиял улыбкой и глазами. – Станешь, наконец, самостоятельной, а то не всё же время прятаться под крылом мамы с папой! Верно я говорю?

– Да, конечно! Только понимаете: этот город какой-то странный. Вернее, директор говорит про него одно, а на Алтае я познакомилась с парнем, который живёт в Отоке, и он сказал совсем другое. Вроде как город закрытый, секретный, про него даже упоминать нельзя, а то в тюрьму посадят. И оттуда трудно выехать, нужно какое-то разрешение. Которое могут и не дать! Это что, я буду сидеть в Отоке и даже с родителями не увижусь? Я не знаю, может, Гриша путает (парня Гришей зовут) или пошутил так. Скажите, такое возможно, чтобы из города не выпускали?

– В принципе, да, – кивнул Алексей. – Например, во время войны. Немцы, которые строили бункер Гитлеру, не могли никуда уехать, и их потом расстреляли, чтобы не распространялась информация.

– Разве в наше время такое возможно?

– И в наше время, наверное. Не расстреливают, но вынуждают соблюдать секретность и, возможно, не выпускают. Хотя все бывшие секретные города вроде уже рассекречены, взять хотя бы наш Северск[4]. Знаешь, почему он был секретным? Там ведь атомная электростанция и химический комбинат.

– Ну и что?

– А кто, по-твоему, оснащает нашу армию? Кто разрабатывает атомные бомбы? Северск и подобные ему. Под Челябинском есть бывший секретный город, там произвели водородную бомбу.

– Зачем все эти бомбы?! – поморщилась Таня. – Мы что, готовимся к войне?

– Конечно, готовимся! Всегда готовимся и тратим огромные средства на оборону! И Северск, он хоть и рассекречен, но всё равно ведь остаётся закрытым. Туда только по пропуску. По поводу Отока ничего не слышал. Вполне вероятно, там проводились, а может, до сих пор проводятся секретные исследования. Вряд ли, конечно, тебя стали бы отправлять, ни о чём не предупредив. Но в любом случае надо выяснить! Если едешь в какой-то город, прежде полезно собрать о нём информацию. Полазь в Интернете, поспрашивай директора, а лучше поговори с людьми, которые организовывают твой переезд.

Таня слушала, опустив голову и рассеянно глядя на пучок травы, растущий под виниловой стеной парикмахерской.

– Смотри, а ведь это не случайно, что мы сегодня встретились! – обрадованно воскликнул Алексей. – Тебе нужен был совет, и я его дал!

Потом он стал рассказывать, что работает то ли в каком-то клубе, то ли в церкви специфической направленности, то ли это организация по социальной поддержке населения. Там все прыгают в восторге и кричат, кажется, «аллилуйя». Алексей зазывает туда наркоманов, они там криками снимают напряжение, избавляясь от наркотической зависимости. Алексей им помогает. Он сказал, что уже многие исцелились. Впрочем, Таня слушала невнимательно, переминалась с ноги на ногу и вежливо улыбалась. Алексей оказался на редкость болтливым! Наконец, появилась возможность сказать ему «до свидания», и Таня поспешила домой.

[4] Северск – город в Томской области.

Его советом она не воспользовалась: ей показалось слишком сложным пытаться связаться с организаторами переезда или где-то рыться, искать информацию, тем более в Интернете она ничего не понимает, а просить брата… Во-первых, он всегда очень занят, да и что он найдёт! Не знает же, что конкретно Тане нужно, а объяснить на пальцах будет непросто. Это уже во-вторых. Ну, а в-третьих, его в принципе просить о чём-то тяжело, потому что он неохотно откликается.

Таня нашла другой выход. Листая цветную рекламную газету, наткнулась на объявление: «Гадание на различных картах, прогноз будущего, анализ настоящего и прошлого. Консультации по поводу различных ситуаций. Кармическая диагностика».

Пока Таня подходила к телефону и набирала номер, сердце бешено било тревогу. Честно говоря, ей давно уже хотелось обратиться к опытным гадальщикам и узнать своё будущее: например, станет она знаменитым художником или нет, встретит (и когда) свою вторую половинку или нет.

– Слушаю, – прозвучал в трубке спокойный женский голос.

– Здравствуйте! Я по поводу объявления, хочу, чтобы мне погадали! Сколько это будет стоить?

– 500 рублей.

– М-м… А когда можно встретиться?

– Я запишу вас на завтра. Вечером в 19:30 устроит?

– Да.

– Как ваше имя?

– Таня.

– Хорошо, Таня. Меня зовут Мария Фёдоровна. Запишите адрес…

Оказывается, совсем близко, можно и пешком дойти!

Весь следующий день прошёл в ожидании. Время от времени болезненно замирало сердце. Моя руки или расчёсываясь, Таня подолгу разглядывала в зеркале своё лицо, представляя, какое впечатление она произведёт на гадалку. Фантазия настойчиво рисовала картинки, которые Таня пыталась заглушить самокритикой: вот гадалка внимательно смотрит на неё прищуренными глазами и молча осознаёт, что перед ней – необычная девушка с яркой сильной аурой, и судьба у этой девушки интересна и таинственна.

Сильно не наедаясь за ужином, надев развевающуюся голубую юбку, Таня пораньше вышла из дому и зашагала вдоль дороги, минуя остановку за остановкой. Гадалка живёт в старом кирпичном доме буквой «П». Посередине дома – арка, и Таня, пока приближалась, неуверенно бегала глазами: надо заходить за арку или нет? Возможно, гадалка сейчас смотрит на неё через окно… А вот подъезд, на углу, не доходя до арки. На скамейке сидят бабки, и одна оглядывается на Таню – от этого неловко: наверное, бабки знают, что Таня здесь не живёт… Обыкновенный дом, обыкновенный серый (хотя и довольно чистый) подъезд, стены отмечены кривыми надписями и рисунками, раскрашенными помадой.

На пороге показалась очень полная женщина с короткими светлыми волосами – гадалка. Разуваясь, Таня заметила на коврике дорогие изящные туфли, украшенные стразами, – наверное, у гадалки есть дочь. И живут богато.

Витражное стекло в двери комнаты светится мягкими оттенками зелёного, жёлтого и оранжевого. Комната озарена солнцем. Перед окном на полу и в подставках – целый сад зелёных растений. На стене – композиция маленьких икон в позолоченных рамках, а под ними на тумбочке – массивная чёрная Библия с тоненькими плотно прижатыми друг к другу страницами; по всей толщине торчит множество закладок.

Таня села, куда ей указали, на низкий круглый пуф перед столиком. Гадалка прошла к шкафу за Таниной спиной: тяжело двигались, оттопырившись назад, её необъятной ширины

бёдра, бугрящиеся под тонким платьем. Наконец она устроилась напротив на маленьком диване и развернула белую тряпочку, из которой достала стопку карт.

Появилась гладкая белая кошка; она не торопясь запрыгнула и удобно уселась рядом с хозяйкой.

– Тебя интересует что-то конкретное? – поинтересовалась Мария Фёдоровна.

– Я бы хотела узнать в целом своё будущее. И ещё меня интересует вопрос, связанный с переездом в другой город: стоит или не стоит переезжать. Я работаю в библиотеке, а из другого города поступило предложение работать у них, тоже в библиотеке. Они предоставляют квартиру.

Мария Фёдоровна кивнула, непрерывно тасуя карты, потом поднесла ко рту и что-то сказала одними губами, снова перетасовала.

– Вытяни поочерёдно три левой рукой.

Приоткрыв рот от таинственности и важности происходящего, Таня старательно потянула из середины. Гадалка взяла другую стопку, перетасовала и вновь попросила вытянуть. Таня проделывала это несколько раз, пока поверхность столика полностью не покрылась картами. Насколько Таня знает, они называются Таро. Внешне сильно отличаются от привычных игральных – сразу видно, особенные. Это не простецкие рисунки на белом фоне, а полноценные цветные картинки, каждая со своим сюжетом, подробные, выполнены настоящим художником, который реалистично и тонко передал различные оттенки и переходы от света к тени.

В центре расклада на красном фоне карты – царственно сидящая женщина в голубом пышном платье и с сиянием вокруг распущенных волос. «Наверное, означает что-то хорошее, даже, возможно, выдающееся», – мельком отметила Таня. Но когда гадалка начала уже говорить, Таня невольно зацепилась глазами за другую карту, мрачную, с двумя падающими вниз головой голубыми людьми и острой молнией над ними. Правда, сразу переключилась на голос гадалки: ведь нельзя пропустить ни одного слова! Напрягая слух, боясь, как бы впоследствии чего-нибудь не забыть, Таня жадно ловила фразы, льющиеся из уст гадалки спокойно и без перерыва.

– Тебе довольно сложно даются контакты с людьми. Боишься людей, потому что недооцениваешь себя. А напрасно. У тебя большой творческий потенциал и ты вполне можешь реализовать его, если не станешь замыкаться в своей скорлупе. Люди играют большую роль в твоей жизни.

– Положительную или отрицательную? – уточнила Таня.

– События и люди всегда несут только благо для твоего развития. На всё воля Божья, и надо принимать судьбу такой, какая она есть.

– Даже если случается что-то плохое? И что, даже не пытаться предотвратить или облегчить?

– Почему? Перед человеком всегда несколько вариантов судьбы, и он может выбрать лучший. Нужно только изменить отношение к миру. Сейчас расклад таков, что тебя ждут большие перемены. Возможно, ты их боишься и не готова к ним. Но стоит довериться Богу. Он всё равно выведет туда, где тебе следует быть. Трудности в отношениях с противоположным полом («Точно!» – подумала Таня). Опять же от неуверенности в себе.

– Я кого-то встречу в ближайшее время?

– Встретишь, но нескоро. Тебе надо работать над собой. Помни: мужчина – подобие Бога, в большей степени, чем женщина. Даже если он бомж, пьяница или преступник. Женщина пришла сюда, чтобы родить и вырастить ребёнка, а также, чтобы ублажать, утешать мужчину. Сейчас многие женщины стараются преуспеть в работе – и в этом нет ничего плохого, если на всё хватает сил. Но обычно страдает или семья, или работа. Ко мне приходят две ученицы, и я говорю им: «Вы ещё не вырастили своего ребёнка, вам рано думать о профессиональном гадании».

– То есть я встречу мужчину, когда пойму, что он подобие Бога? – нетерпеливо уточнила Таня.

– И когда станешь более уверенной в себе.

– А почему мужчины в большей степени подобны Богу по сравнению с женщинами?

– Потому что Бог – это «он», – бесхитростно ответила Мария Фёдоровна. – Ты же не говоришь о Боге «она». Вот ещё тут вижу: тебе надо пересмотреть отношения с родителями. У тебя обида, особенно на маму. Эта обида мешает жить вам обеим.

– Я недавно познакомилась с парнем по имени Гриша. Сложится ли у меня с ним что-нибудь?

– В общем раскладе я не вижу замужества в ближайшие пять лет. О Грише можно погадать отдельно. А сейчас, подчеркну, карты говорят о назревшем кризисе в твоей жизни и стремительных переменах.

– С чем связаны перемены?

– С мировоззрением. Но если меняется мировоззрение, то как следствие меняется сама жизнь. Перемены довольно болезненные, но они к лучшему. Тебе надо смириться и принять текущую ситуацию. Ты не представляешь, насколько комфортно, если отпустить всё на волю Бога!

Гадалка убрала карты, взяла с полки под столешницей другую стопку и принялась тасовать. Таня разочарованно смотрела на неё.

– Тебя интересует, как относится к тебе Гриша?

– Да.

– Тяни. Левой рукой.

Гадалка положила три карты одна под другой. Таня тупо смотрела на картинки.

– Его что-то беспокоит в тебе. А вообще, твои надежды имеют мало общего с реальностью. Надо трезво взглянуть на ситуацию. Этот молодой человек по крайней мере в ближайшее время не ответит тебе взаимностью.

Таня кивнула: она уже свыклась с этой мыслью и не расстроилась.

– Что тебя ещё интересовало? Переезд в другой город? Сейчас посмотрим…

Гадалка вновь тасовала карты и вновь предлагала Тане вытягивать по одной. Потом разбросала их по столу, как показалось Тане, в беспорядке. Одну открывать не стала, положив обратной стороной вверх.

– Переезд очень благоприятен, – уверенно заявила она, постучав по карте, где на красном фоне девушка в зелёном обнимает за голову льва. – В том городе ты достигнешь материального благополучия и вершин карьеры. Только доверяй своей интуиции. Про что я тебе говорила в начале: будь уверенней! Есть обстоятельства, препятствующие тебе. Некий человек, наделённый властью, строит козни за твоей спиной.

– Может, директор библиотеки? – предположила Таня. – Она вообще себе на уме, хотя внешне обычно приветливая, улыбается.

– Да, возможно, директор. Но ты вполне способна противостоять, и твои желания при определённых усилиях с твоей стороны, – она вновь постучала по карте со львом, – непременно исполнятся. В том городе тебя ждёт помощь от некой женщины. Правда, её натура непостоянна, тебе не следует слишком доверяться.

Она открыла карту, до сих пор лежавшую картинкой вниз.

– Ой! – вскрикнула Таня, увидев молнию и две падающие фигуры. – Эта карта уже выпадала! Она говорит об опасности?

– Ты внимательна, это хорошее качество.

По Таниному лицу пробежала улыбка: похвала приятна, тем более обычно ей говорят противоположное: «Ты такая невнимательная и рассеянная!»

– Это карта перемен. В твоём случае перемены счастливые, хотя и предстоят испытания. Ты взлетишь на недоступные ранее вершины. Возможно, тебя ждёт неожиданное наследство, или отыщешь клад; во всяком случае, переезд в тот город, повторюсь, сулит материальное благополучие.

– А мужчину я там встречу?

– Возможно, – кивнула гадалка.

– А вот вы говорили о препятствиях, кознях…

– Всё преодолимо. Доверяй себе, своей интуиции. В тебе большой потенциал, как я говорила. И ты на верном пути.

– Ещё хочу спросить! – поспешила Таня, поскольку показалось, что гадалка собирается закончить.

– Да?

– Скажите, вот я мечтаю стать известным художником. Сбудется у меня это?

Досадно, что приходится задавать наводящие вопросы! Уже при первом раскладе гадалка, если она, конечно, настоящая, должна была увидеть что-нибудь, связанное с рисованием.

Мария Фёдоровна протянула колоду:

– Тяни… Ещё… Ещё…

Глядя на новую разноцветную комбинацию, она сказала:

– У тебя есть всё, чтобы стать художником: способности, чутьё. Это твой путь. Выбрав его, ты добьёшься успеха и сможешь хорошо зарабатывать. Но пока не хватает чёткости цели, вернее, нет чётко сформированных задач. И тебе надо выработать свой стиль. Например, некоторые художники рисуют портреты, другие – пейзажи, кто-то пишет масляными красками, кто-то гуашью…

Таня решила, что гадалка мало понимает в живописи.

– Я и так знаю, что мне нравится. Акварель и чернила. Я люблю иллюстрировать детские книги, хочу стать художником-иллюстратором.

– Вот и держись этого. Говорю, ты обладаешь всем необходимым, чтобы добиться успеха.

Вроде Таня узнала всё, что её интересует.

– Спасибо.

Девушка полезла в сумку за деньгами, положила пятисотку на стол – всё-таки слишком большая сумма за гадание! К тому же Мария Фёдоровна не так много сказала по существу.

– А у вас есть муж? – задала Таня нескромный вопрос, когда застёгивала босоножки.

– Нет.

Темнело. Недавно прошедший дождь, который Таня даже не заметила, сидя у гадалки, смочил асфальт и стволы деревьев, наполнил воздух свежестью. Улыбнувшись и вдохнув полной грудью, Таня покинула чужой двор и бодро двинулась вдоль дороги к своему дому. Прохладный ветерок обдувал расправленные плечи, взгляд нарочно упирался в лица и фигуры прохожих; Таня думала о скрытых в себе великих силах и возможностях и радостно обещала: «Я ещё покажу себя миру!»

Переезд в Оток представлялся теперь смелым и увлекательным приключением. Сколько нового и желанного повлечёт он за собой! Это как распахнуть дверь и выйти из унылой пыльной комнаты под открытое небо, в большой разноцветный мир, в котором есть ВСЁ!

«Надо позвонить в библиотеку, уточнить, что делать. Ведь уже совсем скоро выезд! А ещё собирать вещи, возможно, что-то покупать. Всё-таки еду не на неделю, а на годы…» От этой мысли по затылку пробежали мурашки. «Буду там одна, без родителей, без сестры и брата, без подруги…» Перехватило дыхание. Таня остановилась и, слушая сердце, некоторое время смотрела себе под ноги. Налетел ветерок, погладил. От этого стало зябко, и мурашки бегали теперь не только по затылку, но и по рукам.

«А чего бояться? Разве я окажусь в полной неопределённости? Нет. Квартира будет, работа уже известна. На работе появится много знакомых, подружусь с кем-нибудь. А Грише звонить не стану!»

Таня вновь шла скорым шагом. «По картам вышло, что в Отоке всё сложится хорошо: разбогатею, реализуюсь, стану известным художником, найду мужчину. Может, тот, кто меня там ждёт, – неизвестный родственник, который хочет передать мне дом и много денег? Ведь сказала же гадалка, что я получу неожиданное наследство или найду клад. А может, ждёт мужчина, который каким-то образом уже меня любит, и я его полюблю, и мы будем жить вместе, а он к тому же богатый. Тогда у меня появится возможность, не беспокоясь о деньгах, рисовать иллюстрации к любимым книгам. Можно будет уволиться из библиотеки. А потом, когда иллюстрации будут готовы, отправлю их в издательство… Вот ведь: недавно ездила, и снова собираться в поездку!»

Дома Таня рассказала о пророчествах гадалки маме, менее подробно – сестре. Потом записала, чтобы не забыть. А когда все улеглись спать и квартира погрузилась в темноту, Таня ещё долго не выключала у себя свет. Расправив постель и задёрнув шторы, она откинулась в кресле и думала, теребя механическую ручку.

Допустим, насчёт родителей гадалка ошиблась: нормальные у Тани с ними отношения, и не чувствует она никакой обиды на маму! Но почему нескоро найдёт мужчину? Или гадалка говорила только про замужество, что не видит его в ближайшие пять лет? Тогда ладно: Таню вовсе не интересует семейная жизнь! Сказала: надо стать увереннее в себе, чтобы мужчина нашёлся. Тут она права! Таня очень неуверенная, и ей всё время кажется, что она навсегда останется одинокой (к глазам подступили слёзы). Но насчёт того, что мужчина – большее подобие Бога, чем женщина, потому что Бог – это «он» … Просто смешно! С какой-то стороны, Мария Фёдоровна не очень умная. Да и личная жизнь у неё не сложилась: мужа нет. Значит, она не может быть объективной в том, что касается мужчин.

Глава 4

Приезд в Оток

И хотя Таня решила ехать, а время уже – конец августа (если вспомнить, Галина Викторовна планировала оформлять документы во второй половине месяца), тем не менее звонок директору откладывался и откладывался. Честное слово, Таня собиралась позвонить! Просто… Во-первых, отпуск. А во-вторых, о поездке говорилось так давно: может, уже передумали, и выезд переносится? Так она медлила, пока двадцать восьмого вечером не зазвенел телефон, и мама не крикнула Таню. Сердце сжалось, да и вся Таня, только что весело болтавшая с сестрой, как-то сжалась и съёжилась, словно суслик, который засиделся в гостях и боялся ночью возвращаться домой[5].

– Татьяна? Это Галина Викторовна, – раздался знакомый строгий голос (кажется, недовольный). – Что-то ты не появляешься!

– Я была в отъезде, – сразу стала оправдываться Таня.

– Ехать-то не передумала? Значит так, завтра приходи в кабинет директора с полисом, напишешь заявление об увольнении. Как положено, отработаешь две недели… хотя не совсем, до седьмого. Потом получишь трудовую книжку и расчёт. Понятно? Завтра в 10 часов я тебя жду.

– Хорошо. А завтра я работать ещё не буду? У меня отпуск до 30-ого.

– Значит, не будешь. Ну всё, договорились!

– Угу, значит, 30-ого на работу. А выезд так и остаётся 9 сентября? – спохватилась Таня.

– Конечно! Ты спишь, что ли, Таня? До завтра!

Когда утром Таня ехала в библиотеку, все её мысли крутились вокруг одного и того же: вот войдёт в кабинет, и её начнут ругать, а она ответит то-то и то-то (ответы придумывались грубые и злые, например: «А вы сами-то когда спохватились? Небось, чаи гоняли, а теперь на меня вину сваливаете!») – впрочем, Таня не осознавала, о чём думает.

Но никто не ругал. Она написала заявление, поставив внизу по указанию Ольги Петровны не сегодняшнее, а давно прошедшее число. Потом поднялась со стула и, сильно волнуясь, задала давно заготовленный вопрос:

– Вы не знаете, я смогу выезжать из Отока, например в гости к родителям? А то я слышала, что из Отока так просто не выпускают.

– Откуда ты это слышала? – удивилась Ольга Петровна.

– Глупости! – заявила Галина Викторовна. – С чего ты взяла?

– Мне сказал парень, который там живёт.

– Хм… Ничего подобного мне не говорили! – Галина Викторовна пожала плечами, потом решительно взяла сотовый и, ожидая соединения, пояснила, глядя на Таню:

– Сейчас узнаем… Ало, Ирина Александровна? Это Галина Викторовна, да. Тут девушка, которая поедет к вам… да, Гутова, спрашивает, правда ли, что жителям Отока запрещено выезжать из города? Слышала, что ожидают трудности… парень какой-то, который в Отоке живёт… Вот и я… Конечно!.. Передам… Да, созвонимся… Угу, до свидания!

Галина Викторовна отложила мобильник.

– Нет повода для беспокойства, Таня. Конечно, в Отоке свои правила, отличаются от наших. Но Ирина Александровна, директор университета (точнее, филиала), уверяет, что

[5] Отсылка к мультфильму про Хому и Суслика «Страшная история».

никто не будет чинить тебе препятствий, если ты захочешь уехать. У них, правда, есть запрет на выезд, но он касается сумасшедших, наркоманов, ну и кто по суду проходит. А ты ведь не относишься ни к тем, ни к другим.

Она улыбнулась, встала и, приобняв Таню за талию, подтолкнула к двери.

– Твой парень, видимо, плохо пошутил. А мы ждём тебя завтра на рабочем месте! Хорошо отдохнула? Вижу, загорела. Не волнуйся, ты молодая, всё будет отлично!

Таня попрощалась и с непонятным двойственным чувством двинулась вниз по лестнице, минуя читальный зал (нет смысла заглядывать: завтра увидятся). Вообще-то она обрадовалась, ведь опасения развеялись. Только смутила фраза по поводу сумасшедших. Вспомнился эпизод из прошлого: тогда Таню всерьёз заподозрили в сумасшествии!

Было так. Она ходила в клуб с длинным названием «Этика поведения человека». Там читались лекции о различных грехах и о том, как их в себе распознавать и преодолевать. Но клуб не был религиозным в привычном понимании этого слова. «Грехи» трактовали по-своему. Членам клуба выдавался длинный список из ста с лишним наименований: упрямство, грубость, обидчивость, лень и т. д. После лекции к каждому посетителю индивидуально подсаживался член клуба – тот, у кого был «открыт доступ к информации», – и они беседовали. Посетитель делился наболевшей проблемой, а член клуба, на миг сжав пальцы в щепотку и сосредоточившись, получал информацию свыше посредством «голоса» в голове. Сначала выяснял, «какой грех привёл к озвученной проблеме» (голос называл номер греха или грехов), а потом – «какой положительный выход из данной ситуации», – в этом случае голос отсылал к определённому месту в Библии, например «Евангелие от Матфея 28:6» (первая цифра – номер главы, вторая – номер абзаца). Цитата предлагалась посетителю для самостоятельной интерпретации. Вероятно, с тех пор Таня и приучилась получать ответы открыванием книги наугад.

Регулярно посещая клуб, Таня очень захотела, чтобы и ей «открыли доступ к информации». Для неё это значило то же, что открытие «третьего глаза». «Всего лишь пройти какую-то несложную процедуру, и стану ясновидящей! Вот здорово!»

Вскоре Тане предложили поехать в Новосибирск – центральное место, где зародился клуб и откуда распространялся в другие города. Ехать надо для обучения, после которого следует «открытие доступа». В лесу рядом с большим водохранилищем, которое называется Обское море, в просторном кирпичном доме, построенном членами клуба, живут ученики и ежедневно в течение недели прослушивают лекции. А по окончании лекций приезжает женщина и проводит с учениками заключительную беседу. Вот тут-то Таня и проявила себя как «сумасшедшая»!

Она горячо спорила о том, что считалось членами клуба аксиомой. Например аксиома, что душа человека живёт вечно и после смерти физического тела попадает в иной мир. Таня кричала: «Нельзя быть в этом уверенным! Может, душа живёт вечно, а может, всё-таки умирает – никому неизвестно! Даже пережившие клиническую смерть не могут знать!»

А ещё Таня с чувством гордости заявила, что УЖЕ «получает информацию»: буквально позавчера мысленно задала вопрос, и в голове сам по себе возник вполне понятный образ-ответ. Таня этому удивилась и обрадовалась, ведь к ней пришла информация без всякого доступа! После такого признания женщина, проводившая заключительную беседу, смотрела на Таню недружелюбно и настороженно. Впрочем, девушку это не смущало: она наслаждалась собственной яркостью, смелостью и «продвинутостью» на фоне других учеников. Женщина сказала, что без доступа получать информацию ни в коем случае нельзя, потому что тогда информация приходит не от Бога, а от дьявола. «Да почему вы так думаете?! – возражала Таня. – Получается, будто только члены клуба могут общаться с Богом. А люди, которые даже не слышали о существовании клуба? Они что же, обречены общаться лишь с дьяволом?»

Танина горячность, обилие собственных мнений, а главное – признание, что получала информацию без доступа, сыграли печальную роль: когда женщина, сложив пальцы в щепотку, «узнавала свыше», кто готов к открытию доступа, а кто нет, Таня оказалась единственной неготовой. Ей велели покинуть комнату, пока над другими учениками совершался таинственный обряд.

Эти ученики ходили потом молчаливые и серьёзные, словно неземные принцы и принцессы. А Таня глотала слёзы и мысленно спорила с каждым из них, без конца придумывая колкие и презрительные фразы: «Думаешь, постиг недоступное мне? Ха! Вылечи сначала свой хронический насморк!» (это в адрес кудрявого паренька, который с самого начала почему-то сильно раздражал Таню), «А ты вообще проста, как лапоть!» (в адрес нескладно сложенной коренастой девушки).

По приезду домой Таня узнала от женщины, с которой подружилась во время посещений клуба, Елены, что ходят слухи о Танином сумасшествии: будто в Новосибирске в Таню вселился бес, глаза горели, она кричала и швыряла вещи и вообще готова была броситься на любого, кто станет ей возражать.

Таня не могла поверить, что взрослые люди всерьёз так думают. Ей казалось, они отлично понимают, что преувеличивают. Но когда её пригласили на беседу к руководителю клуба, и Елена предупредила, чтобы Таня ни в коем случае не спорила, вела себя смирно и всему поддакивала, Таня признала, что её действительно считают сумасшедшей. И ей стало смешно! На беседе с глазу на глаз она старательно изображала тихоню и умницу. Руководительница клуба (девушка с осторожным, мягким голосом) задавала вопросы, присматривалась. Вероятно, всё-таки решила, что Таня – вполне адекватный человек. «Вы можете посещать клуб, и, возможно, через год вас повторно отправят в Новосибирск, и вы получите доступ, – тихо роняла слова руководительница. – А пока воздержитесь от всяких попыток получения информации. Хорошо?» «Да, конечно», – кивала Таня.

Только вскоре у Тани пропал интерес к клубу, тем более из него ушла Елена – единственный человек, с которым было интересно общаться. И Таня перестала туда ездить.

Вот об этом она и вспоминала, возвращаясь из библиотеки домой. «Слишком легко в глазах общества стать сумасшедшей. Вот даже пьеса Грибоедова „Горе от ума“: там Чацкого объявили безумным на пустом месте, и люди всерьёз поверили!»

– Объявят сумасшедшей и не выпустят из города, – словно проверяя судьбу, сказала Таня маме.

Они пили чай на кухне. Таня соскребала кончиком ложки малиновое варенье из тарелки, облизывала, а потом сердито жевала передними зубами мелкие косточки. Чая в кружке почти не осталось. По кухне жужжали осы и мухи, кружили над тазом с вареньем. И почему мама так и не додумалась надеть сетку на форточку?

Мама смотрела перед собой затуманенными глазами, потом промолвила:

– В нашем городе тоже, наверное, есть такой запрет, только мы с ним не сталкивались, поэтому не знаем. Некоторых душевно больных не выпускают из сумасшедшего дома, значит, они и из города выехать не могут. Существуют разные виды сумасшествия. Изолировать или нет, наверное, зависит от диагноза и стадии заболевания. Есть такие сумасшедшие, которые опасны для общества.

– Интересно, каков критерий, по которому определяют эту опасность? Может, я тоже в некотором роде была опасна, когда говорила, что получаю информацию без допуска.

В последнее время Тане снились плохие сны: то заблудилась в двух шагах от дома, то не может выбраться из плена высоких деревьев и домов, которые громоздятся друг на друге и заслоняют всё небо.

На работе в перерывах между обслуживанием Таня составляла список того, что возьмёт в Оток. Кое-какие вещи надо приготовить для пересылки, например: обувь, зимнюю одежду,

книги. Хочется ещё, конечно, магнитофон с кассетами, а то скучно, наверное, будет в Отоке одной, к тому же без телевизора.

В выходной незадолго до отъезда Таня ещё раз встретилась с подругой Настей – попрощаться. Шёл дождь, поэтому не гуляли, а сидели в Настиной комнате на кровати. Ели сливы и нарезанные яблоки. Дождь заливал окно.

– Танюсик, у меня для тебя скромный подарок! – сказала подруга.

– На-астя, спасибо!

– Всё-таки уезжаешь. Когда ещё увидимся! Будешь вспоминать меня, глядя на него. Вот! – она протянула оранжево-жёлтую тряпочку, завёрнутую в полиэтиленовый мешочек.

Таня развернула: оказалось, салфетка, в углу которой вышита горящая свеча, а рядом очень мелкими стежками – длинная надпись: «Вам кажется, что видите свечу. Нет-нет, я с Вами спорить не хочу! Свеча свечой, но преданность какая…»

– Это не мои стихи, но мне очень понравились. Свеча свечой, но преданность какая! – продекламировала Настя тоненьким голоском.

Смысл стихотворения остался для Тани тёмен, но она уловила переданное настроение, и глаза увлажнились.

– Настенька! – прижала подругу к груди, поцеловала в щёку.

– А мне почему-то кажется, что мы ещё увидимся и не раз! – вылетело у неё просто так. – Ты приедешь ко мне в Оток! (Как ни странно, Таня окажется права.)

– Конечно! Будет время – будем ездить друг к другу в гости! – согласилась Настя и предложила, оборачиваясь к двери на голос. – Давай позовём Митюшку. Может, он сыграет на гитаре? Митюш!

В комнату заглянул Настин брат – паренёк с угрями на щеках, едва пробившимися усиками и близко посаженными распахнутыми глазами.

– Сыграешь на гитаре? – попросила сестра.

– А чё?

– Ну, сыграй! – она посмотрела на брата снизу вверх, и Таня заметила, что у неё тоже глаза близко посажены.

– Ладно!

Митя сходил за гитарой, сел перед девушками и некоторое время просто перебирал струны. А потом заиграл знакомую мелодию и без стеснения запел. Он пел песню за песней про «город золотой», где гуляет «огнегривый лев», про снега, которые «лежат на все четыре стороны», про «чистую звезду».[6] Дождь затих, лишь изредка об карниз стучали холодные капли. Над горизонтом проглянул желтоватый свет. Таня старалась запомнить всё глазами, чтобы унести воспоминания в Оток.

Но очень скоро приятный лирический настрой дал трещину, и из трещины полезли всевозможные страхи. Таня даже не успела доехать от подруги до дома, как вместо «города золотого», ожидающего в будущем, выросло жуткое чудовище. Всё-таки мир вокруг не такой уж милый и доброжелательный! А вот доказательство! Таня просто посмотрела в окно автобуса, и взгляд зацепился за корявую надпись, занимающую половину белого бетонного забора вокруг стройки: «Оставайся русским!». Другие надписи здесь же были замазаны краской, поскольку, наверное, имели более выраженный расистский характер. Но эту – «оставайся русским!» – не замазали. Таня сразу представила, каково это – не быть русской, а родиться, например, азербайджанкой или киргизкой и жить в Томске. Ведь где-то рядом есть люди, готовые тебя убить за одну только национальную принадлежность! И неизвестно ещё, как в Отоке относятся

[6] Речь идёт о песнях группы «Аквариум» «Город золотой» (текст Анри Волохонского, музыка Владимира Вавилова) и «Волки и вороны» (текст и музыка Бориса Гребенщикова).

к чужакам. Что, если там на заборах пишут: «Оток – наш город! Бей пришлых!» – и реально побьют?

А это что? Взгляд упёрся в большую квадратную вывеску на здании: «Интересы государства – твои личные интересы!» И – танк! Изображение танка во всю ширину вывески. Как же страшно-то жить на свете!

Восьмого, получив трудовую книжку и деньги, Таня решила прогуляться от библиотеки до дома (это не меньше двух часов ходьбы) – опять же, чтобы попрощаться с родным городом. Быстрым шагом рассекая пространство, скользила взглядом по убегающим линиям проспекта, рекламным щитам, изыскам архитектуры.

Вон вдалеке серо-голубой чешуйчатый купол с часами и российским флагом – это над трёхэтажным угловым зданием. Оно недавно отреставрировано, что ясно по тому, какое оно свежее, яркое и пёстрое: кирпичные стены выкрашены в красно-коричневый цвет, а пестроту придают многочисленные горизонтальные бежевые полоски между арочными окнами.

Таня вышла на главную улицу, миновала вывески музея и двинулась дальше по мелкой тротуарной плитке. Долго спускалась по ступеням мимо гранитного бордюра и гранитных пустых вазонов на бордюре. Молодые парни в потёртых джинсах бренчали на гитаре рок-н-ролл и завывающе пели, подражая группе «Чиж», а улыбающаяся девушка в свободных штанах приставала к прохожим с протянутой панамкой, чтобы туда складывали деньги. Подступилась и к Тане, но Таня отрицательно покачала головой и виновато отвернулась, ускоряя шаг.

А вот через дорогу фонтан на набережной, где встречались с подругой. И современное здание торгового центра с ярко-синей крышей, округлыми фронтонами и шпилем над угловой башней. Здание сплошь в синем стекле, прорезанном светлыми простенками на узкие вытянутые вверх прямоугольники. От обилия стеклянной синевы сооружение похоже на глаз или на отражённое в зеркале небо.

Но красóты города интересовали лишь первые двадцать минут прогулки. А потом усилился холод, наверное, потому что скрылось солнце, а у Тани короткие рукава, и волоски на руках встали дыбом. К тому же закололо в правом боку. И машины слишком шумят. Тарахтят и тарахтят! Выстраиваются нескончаемой вереницей и мешают перейти улицу даже на зелёный свет, потому что у всех мигает правая фара, сигналя о повороте. Хватаясь за бок, Таня поскорее дошла до ближайшей остановки и села в маршрутный автобус.

Наступило девятое число. В полшестого утра Танину дрёму развеяла лёгкая мелодия сотового. И хотя девушка давно уже ворочалась и почти не спала, всё же, выключив музыку, собиралась поваляться ещё пятнадцать минут. В комнату заглянула мама:

– Таня, вставай!

Мама поедет вместе с дочерью: посмотрит, где той предстоит жить, поможет устроиться. Но через четыре дня (три – в Отоке и день – на обратный путь) вернётся, чтобы уже завтра сесть на поезд и отправиться к бабе Наташе, живущей на Чёрном море. Туда же приедет из Новокузнецка мамин брат (Танин дядя Вова), так что впервые за много лет соберётся всё семейство. Таня чуть-чуть завидовала маме, так как тоже хотела бы беззаботно отдохнуть на море и повидать родных, вместо того чтобы ехать в Оток, где, как она полагала, её ожидает куча проблем и забот.

В ванной, дверь которой непосредственно соседствовала с комнатой Тани, загорелся свет, зашумела вода. Таня сладко потянулась всем телом, отбросила одеяло. За шторами едва начиналось утро: солнце ещё не взошло, безлюдную тишину оживлял шум проезжающих машин, серый полумрак улицы расцвечивали яркие мутные огни.

Позавтракали пирогом с капустой, разогретым в микроволновке. На кухне – редкий порядок. Даже полы чистые, без мусора и земли, которую обычно привозили с мичуринского, а потом в течение недели разносили и втаптывали тапками. Исчезли куда-то газеты с разложенными на них грязными овощами. Столы сияли в свете люстры и пахли хлоркой.

Когда настала пора выходить из дома, мама принялась искать очки, а затем сумку, в которую хотела сложить продукты. Таня стояла на пороге в обуви и ветровке, а мама бегала по квартире и кричала на папу, куда он дел сумку, а папа кричал на маму, что уже опаздываем, и предлагал Тане идти и не дожидаться «безумную мамашу». Наконец, сумка была найдена, мама затолкала в неё палку колбасы, бананы, картофель, бутылку минералки, сыр, печенье, банку мёда, куски пирога, завёрнутые в мешок. Присаживаться «на дорожку» не стали; папа подхватил Танину клетчатую сумку, и побежали к остановке. В синем небе белела круглая луна.

Папа поймал такси, впихнул сумки в багажник, и все втроём устроились на глубоких сиденьях. Таня едва сдерживала слёзы. Расстроили злобные крики родителей перед выходом (хотя сейчас общались уже мирно). А больше всего расстроило прощание с котом Федей. Кот сидел под шкафчиком в прихожей и жмурился. Таня погладила его и сказала, что уезжает и будет жить далеко отсюда. И тут её кольнула отчаянная жалость к этому бессловесному пушистому созданию: «Бедный кот Федя! Как же ты тут будешь без меня? Ведь это я по утрам и вечерам накладывала еду в твою мисочку! Это я реагировала на каждый твой „мяу“, которым ты оповещал, что пора убирать тазик! И это я подолгу ласкала тебя на коленях. Кто же теперь тебя так приласкает?»

Слёзы всё-таки потекли из глаз, лицо раскраснелось, и скрыть уже было невозможно.

– Ты чего? – обеспокоилась мама.

Таня не сразу смогла ответить, боясь разрыдаться.

– Федю жалко…

– Ну ты даёшь! – удивилась мама.

А мимо окна пробегали знакомые улицы, по которым Таня ходила и на которые часто смотрела из окна маршрутки. Она уедет, а город будет продолжать жить, только Таня уже не увидит, как.

Оказывается, посветлело. Из такси вышли перед Университетом Радиоэлектроники. Таня даже не думала искать белый автомобиль, который должен был ждать здесь. Любуясь утром, она окинула всё задумчивыми глазами. Проснувшееся небо стало голубым, ни единого облачка. Свежий, как роса, солнечный свет заполнял пространство низко над землёй. Лучи падали с непривычной стороны, и по асфальту от столбов и зданий бежали прохладные тени. Бриллиантовое солнце пыхало в окнах.

Вслед за родителями Таня подошла к белому автомобилю. Кроме шофёра, в нём сидела девушка с тонким горбатым носом и светло-жёлтым хвостом на голове. У неё неприветливое сосредоточенное лицо. Папа поцеловал в щёку на прощанье, моргнул красными глазами. Расселись, тронулись. Папа постоял немного, криво улыбнулся на Танино махание и пошёл.

Незнакомая девушка сидела впереди.

– Ты тоже в Оток? – полюбопытствовала Таня, смущаясь от незнания говорить ей «ты» или «Вы».

Девушка повернулась к Тане:

– Да.

– Будешь там жить?

– Я и так там живу.

– Правда?

– Я журналистка, собирала у вас информацию.

– Так ты живёшь в Отоке?! – оживилась Танина мама. – Это очень маленький город? Чем у вас там в основном занимаются?

– Извините, но мне некогда разговаривать. Правда некогда!

Девушка нахмурилась, надела наушники, достала блокнот и так всю дорогу пыталась что-то записывать в трясущейся машине. Шофёр остановился, чтобы заправиться, и посоветовал

всем выйти и прогуляться, сходить в туалет, если хочется, потому что потом долго не остановится. На улице Таня спросила незнакомку, что она пишет и почему в наушниках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.